

Китай,
Россия &
Всечеловек

Т. П. ГРИГОРЬЕВА

Перекрестки культур

Татьяна Григорьева

Китай, Россия и Всечеловек

«ИП Карелин»

2011

Григорьева Т. П.

Китай, Россия и Всечеловек / Т. П. Григорьева — «ИП Карелин»,
2011 — (Перекрестки культур)

В книгу известного российского ученого Т. П. Григорьевой вошли ее работы разных лет в обновленном виде. Автор ставит перед собой задачу показать, как соотносятся западное и восточное знание, опирающиеся на разные мировоззренческие постулаты. Причина успеха китайской цивилизации – в ее опоре на традицию, насчитывающую не одно тысячелетие. В ее основе лежит И цзин – «Книга Перемен». Мудрость древних позволила избежать односторонности, признать путем к Гармонии Равновесие, а не борьбу. В книге поднимаются вопросы о соотношении нового типа западной науки – синергетики – и важнейшего понятия восточной традиции – Дао; о причинах взлета китайской цивилизации и отсутствия этого взлета в России; о понятии подлинного Всечеловека и западном антропоцентризме...

© Григорьева Т. П., 2011

© ИП Карелин, 2011

Содержание

О замысле книги	5
Часть I	8
Квадратура круга	8
Пролог	8
Греческая модель мира (парадигма квадрата)	8
Россия и квадрат	13
Китайская модель (парадигма круга)	20
Об И цзине – «Книге Перемен»	28
И цзин и современность	32
И цзин («Книга Перемен») и современность	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Петровна Григорьева

Китай, Россия и Всечеловек

О замысле книги

Причина успеха китайской цивилизации, которую еще называют «конфуцианской», в опоре на традицию – культурную, мировоззренческую, насчитывающую не одно тысячелетие. В ее основе лежит И цзин – «Книга Перемен», расписавшая в 64 гексаграммах чередующиеся ситуации, обусловленные разным соотношением двух космических сил Инь-Ян, с которыми любому человеку надлежит считаться, чтобы не отпасть от Пути. «Одно Инь, одно Ян и есть Путь. Следуя ему, идут к Добру (Шань)» – сказано в древнем комментарии к И цзину. Восходят к совершенству, не навязывая себя Природе, а следуя ее законам.

Мудрость древних позволила избежать односторонности, признать взаимное Равновесие, а не борьбу Путем к Гармонии. Потому и назвали подвижное Равновесие-Хэ «совершенным Путем Поднебесной», следуя которому избегают крайности. Избегая крайности, преодолевая себя, человек становится Тринединым с Небом и Землей, выполняет свое назначение – одухотворяет сущее. Но лишь прошедший свой Путь сполна, достигший Просветления способен узнать «волю Неба», стать в Троицу с Небом и Землей. Движение, таким образом, происходит не только по горизонтали, не меняя ничего по существу, но и по вертикали, на новый виток спирали.

В истории Китая бывало разное, но опора на традиционную Основу позволила государственной системе просуществовать более двух тысячелетий. Китайская цивилизация не только выдержала испытания прошедшего века, но удивляет своими успехами в веке наступившем. Виднейшие ученые, включая Лейбница и Нильса Бора, находили в китайских учениях прообраз современной науки. И современная наука находит в восточной традиции подтверждение своим открытиям; познавая непознанное, обретает целостное, духовное измерение.

Начинаю книгу, куда вошли работы разных лет в обновленном виде, с «Квадратуры круга». Пытаюсь показать, как соотносятся западное и восточное знание, опиравшееся на разные мировоззренческие постулаты, памятуя, что лишь разное приходит к Единству. Символ западного Пути – Квадрат. Предоставленный самому себе, он дробит действительность. В поисках устойчивости дробные части вновь соединяют, образуя искусственный мир, «вторую природу»¹. Но все искусственное, часть, претендующая на роль Целого, обречено на саморазрушение. Естественно, ученые задумались, как найти выход, перейти к «Порядку из хаоса»², остановить процесс дробления, который принимает необратимый характер. О. Тоффлер в предисловии к упомянутой книге пишет: «Современная западная цивилизация достигла необычайных высот в искусстве расчленения целого на части». Настолько преуспела, что нередко забывает собрать части воедино. Сам же автор книги, Илья Пригожин³, вспоминает Джозефа Нидэма, знатока китайской цивилизации, назвавшего манию к раздвоенности «характерной европейской шизофренией»⁴.

¹ Естественно, образ мышления не мог не сказаться на характере языка. По мнению японских ученых, для английского языка главное – обозначение части, для японского – целого. Японский язык рассматривает мир в его целостности, ему свойственны конкретность и эмоциональность; английскому языку свойственны расчленение мира и выделение индивидуального, эгоцентричного начала, абстрактность и логичность (см. В. М. Аллатов. Япония. Язык и культура. М., 2008, с. 51).

² См. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.

³ Лауреат Нобелевской премии, один из основателей синергетики.

⁴ Там же, с. И, 47.

Илья Пригожин стоит у основания синергетики, которая, преодолевая односторонность классической науки, собирает разрозненное в целое. По сути, это новый тип мировоззрения: признание естественности, спонтанности, открытости, закона самоорганизации, коэволюции – не вторжение в Природу, пагубное и для Природы, и для человека, а согласное с нею действие.

Нет того в синергетике, чего бы не было в *Дао*. Наука обретает недостающую половину, олицетворяемую Кругом, или восточной, иньской формой знания, что позволяет уравновесить янскую активность иньской сосредоточенностью, логику – интуицией. Квадрат уравновешивается Кругом, Земля соединяется с Небом, как пророчили святые, мудрецы на Западе и Востоке. И это не могло не произойти, если «Одно Инь, одно Ян и есть Дао», или Путь мира и человека. После чего обращаюсь к «Книге Перемен» – И цзину, центру притяжения не только китайской мысли. В первом же разделе даю статьи, написанные около тридцати лет назад, для которых, однако, пришло время. Отсюда подзаголовок: «Обращаясь к прошлому, попадаешь в будущее».

Не имея представления о неоднозначной логике И цзина, где одно не вытекает из другого, а соотносится или по принципу контраста, как гексаграммы 11-я – «Расцвет» и 12-я – «Упадок», или по принципу восходящих витков спирали, 63-я – «Уже конец» и 64-я – «Еще не конец», трудно понять логику предлагаемой книги. Скажем, я могу повторять какие-то фрагменты китайских текстов, но в поле *Дао*, где постоянны Перемены, повтор невозможен в принципе. Скорее, это будет поворот того же новой гранью. Потому и говорят о своеобразии иероглифического мышления, порождающего многозначные символы культуры. Такой текст, как «Дао дэ цзин» Лао-цзы, исчерпать вряд ли возможно, о чем свидетельствуют многочисленные его переводы. Вместе с тем я могу переусердствовать, повторяя любимые мысли святого Августина или Николая Бердяева. Прошу меня простить великодушно.

Почему «Китай – Россия», понять можно. Эта пара на слуху, особенно в последнее время. Остается загадкой причина взлета китайской цивилизации и отсутствия этого взлета в России. Хотя именно России предрекали духовный расцвет такие мыслители, как Шпенглер, Ви-века-нанда. Наверное, так и будет. Пока что остается надеяться на неожиданный кризис, который, возможно, заставит ум проснуться. По мере сил, полагаясь не только на знания, но и на интуицию, попытаюсь найти ответ и приглашаю вас к соучастию.

Ну а почему «Всечеловек»? Это насущнейшая проблема. Говорят же: умный находит выход из трудного положения, а мудрый в него не попадает. Не потому ли, что мудрости нет без сострадания? Сердечный разум, а не экономика избавит мир от кризисов. А пока лучшие умы ищут выхода из кризиса и не находят, забывая о том, что «человек есть мера всех вещей», плохих и хороших. Для даосов человек – «душа вещей», и если душа не в порядке, то страдают все, весь мир. И потому в самый раз задуматься, чем же отличается взгляд на человека, скажем, Конфуция и Аристотеля и почему в последнее время такой интерес к конфуцианской и буддийской этике. Не знаю, есть ли более важный вопрос, чем вопрос о назначении человека и о том, соответствует ли он своему назначению. Или так и будет болтаться между Небом и Землей, воображая, что это и есть Свобода. Потому и обращаюсь к Бердяеву, постигшему тайну Свободы и Творчества. Одного нет без другого, и нет самого Человека, сколько он ни пытается убедить себя в обратном.

Наконец, сквозная тема всей работы **антропоцентризм**. Не только потому, что надуманный центр, не соответствующий истинному, переворачивает в конечном счете все отношения. Люди привыкают жить в перевернутом мире, что, однако, не делает его более устойчивым. Долгое время бытовало мнение, что цивилизации проходят те же этапы, что и человек: рождение, взросление, старение, умирание. Этой схеме следует и Освальд Шпенглер в своей замечательной книге «Закат Европы». Но, во-первых, процессу старения подвержены не все цивилизации, а лишь выросшие на антропоцентрической почве. Пример тому – цивилизации Индии, Китая, Японии. Во-вторых, и в человеке есть то, что не подвержено исчезновению,

остаётся после его ухода с физического плана. На это обратили внимание русские философы, откликнувшиеся на книгу Шпенглера незадолго до их высылки из России в 1922 году. (Тем самым они избежали участи расстрелянных, таких как Павел Флоренский – по причине его гениальности.)

Я не случайно заостряю на этом внимание: Россия не укладывается в рамки антропоцентрической схемы. Каждый из философов сосредоточен на Человеке, но не как на биологическом, а как на духовном, Божьем создании. По словам Федора Степуна, в человеке есть и то и то, и «хаос» и «космос». С его оценки начинается книга о «Закате Европы». Можно сказать, он выразил взгляд русской философии времени ее расцвета. Ученость Шпенглера – что-то эмпирически живое, но трансцендентально мертвое, полагает Федор Степун, понятие абсолютной истины для него не существует. Идеи, с его точки зрения, так же смертны, как души и организмы. Что такое для него причинность? – мертвая судьба. Что такое судьба? – органическая логика бытия. Научный подход к истории является для Шпенглера методологической бессмыслицей. Его задача, тем не менее, перестать вращать историю вокруг мнимого центра западноевропейского мира, взглянуть на историю как на горную цепь. Для Шпенглера в истории происходит бесконечное рождение и умирание форм. Для душ великих культур – весна, лето, осень, зима; путь от культуры к цивилизации: от жизни к смерти.

Противоположность культуры и цивилизации, заключает Степун, – главная ось всех шпенглеровских размышлений. Цивилизация – неизбежная форма смерти каждой изжившей себя культуры по причине умирания созидающих энергий в душе. Тому свидетельство – распад монументальных форм в искусстве, быстрая смена чужих, входящих в моду стилей и, конечно, спорт, соглашается автор, предвидя общие процессы, которые затронут не в малой степени Россию.

Правда, есть в «Закате Европы» одинокие непроясненные места, в которых Шпенглер намекает на Мировую душу, отпускающую к жизни души вселенских культур и принимающую их обратно в свое лоно по свершении ими своих путей. В этой Мировой душе все вечно пребывает; в ней и поныне живы потерянные трагедии Эсхила. Но не это составляет пафос его книги. Приближаясь к нашему времени, Шпенглер показывает перерождение религиозной вертикали фаустовской души, вокруг которой вращалась европейская культура, ее превращение в горизонтальную, атеистическую ось европейской цивилизации. Но и вся русская философия, от Ивана Киреевского до Вл. Соловьева и Л. Толстого, соглашается Степун, посвящена вопросу обезбоженья европейской культуры, оскудения религиозного чувства, утраты органического чувства бытия, обезличенья человека механизмом. И все же, заключает Федор Степун, есть книги, в которых правильны все положения и верны все факты, но которые не имеют отношения к истине, потому что не имеют отношения к духовному бытию.⁵ Не случаен интерес русских философов к книге Шпенглера, как и реплика Николая Бердяева, одного из авторов обсуждения: «Такие книги нам ближе, чем европейским людям. Это нашего стиля книга».⁶

Т. П. Григорьева
Март 2009

⁵ Освальд Шпенглер и Закат Европы. Н. А. Бердяев, Я. М. Букшпан, Ф. А. Степун, С. Л. Франк. М.: Книгоиздательство «Берег», 1922, с. 6–33.

⁶ Н. А. Бердяев. Предсмертные мысли Фауста // Там же, с. 72.

Часть I

Мне возмездие, и Аз воздам.

Квадратура круга

Пролог

Великий квадрат не имеет углов.

Лао-цзы

Меня давно уже привлекала тема «квадратуры круга», не столько с математической, сколько с мировоззренческой, психологической точки зрения. В самом звучании «квадратура круга» уже есть некий подвох или, скажем, шифр, утверждающий превосходство квадрата над кругом: круг, вписанный в квадрат, как подчиненное ему начало, что само по себе противостоит природе. Если воспользоваться символикой китайских текстов, то круг – это Небо, квадрат – Земля, и они прекрасно уживаются, когда занимают подобающее место. Невозможно объять бесконечное конечным, что соответствует «логике квадрата», но не логике Круга, или Целого. Можно объять Небом Землю, но не наоборот.⁷

К этим размышлениям я вернулась, когда узнала, что, согласно Гаагской конвенции 1954 года, три круга в одном – традиционный символ, изображенный на Знамени Мира Николая Рериха, – заменили на прямоугольник, к тому же пересеченный двумя диагоналями. Объяснили тем, что новый знак более заметен при охране памятников культуры, но причина лежала глубже, в первичных структурах сознания или в тех архетипах, к которым привлек внимание К. Г. Юнг и которые действительно предопределяют поведение людей.

Этот простой, казалось бы, факт утвердил меня в мысли о существовании двух мировоззренческих парадигм, которые условно можно назвать **парадигмой квадрата**, идущей от греков, и **парадигмой круга** китайцев. Обе уходят в глубину веков, притом почти одних и тех же (примерно VIII–III вв. до н. э. – то самое «осевое время», которое, по Ясперсу, говорит о глубинном единстве культур Востока и Запада). Две изначальные установки сознания создали разные картины мира, которые, однако, взаимодополнительны, лишь вместе составляют Целое – по закону высшей Необходимости, назови это Дао или «предустановленной гармонией» (по Лейбницу).

Греческая модель мира (парадигма квадрата)

Мне уже приходилось писать: **греки шли от Земли.**

Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтоб прочным жилищем служил для богов всеблаженных.

⁷ Может быть, потому эта проблема, над которой уже около трех тысячелетий ломали голову математики и геометры, оставалась неразрешенной, что ей не соответствовал метод: за исходное брали вторичное, квадрат, пытаясь уподобить ему круг путем дробления квадрата на многоугольники, то есть путем возрастающего множества. Можно через Одно понять всё, но не через всё Одно. (Не удивительно, что в 1882 году число π признали наконец «трансцендентным».)

(Гесиод. Теогония, 120–129)

Небо оказалось не только оскверненным (сын Геи, Крон, осклопил Урана), но униженным, вторичным по отношению к Земле, так же как Космос порой выглядит вторичным по отношению к Хаосу. Аэций напоминает слова Эмпедокла: «Космос (то есть мир как упорядоченное целое. – Т. Г.) один, однако космос не составляет [всей] Вселенной, но [образует] лишь некоторую, небольшую часть Вселенной, остальная же [часть ее] представляет собой необработанную материю»⁸. Само-естественно возникает геоцентризм. Мало кто из греков сомневался, что Земля центр мира. (Должна оговориться, что действительно «в

Греции есть всё», в силу хотя бы альтернативного мышления, привычки искать истину в столкновении сторон; так что речь идет о доминирующей форме сознания.)

Мысль греков ориентирована на Бытие: «Бытие есть, небытия же нет» – согласно Пармениду, притом Бытие неизменное, вечное. Лао-цзы же говорит: «Все вещи в Поднебесной рождаются из Бытия (Ю), Бытие же рождается из Небытия (У)» (Дао дэ цзин, 40).⁹ Греки, похоже, не принимали во внимание то, что для китайцев было самым важным: все является из Небытия, полноты непроявленного мира. То есть в потенции все уже есть, и нужно не изобретать, а внимать Вселенной, прислушиваясь к ее беззвучному голосу, чтобы не отпасть от нее. В Неявленном заложена Небесная Программа, которая предопределяет характер земной жизни. Отсюда метод Недеяния, ненарушения естественного ритма. У Ван Би (226–249) спросили: «Если у (отсутствие) лежит в основе всех вещей, почему Конфуций не говорил об этом, тогда как Лао-цзы говорил об этом безостановочно?» На это Ван Би ответил: «Совершенномудрый (Конфуций) отождествил себя с у (отсутствием) и понял, что этому нельзя обучить, потому он вынужден был говорить только о ю (наличии)».¹⁰

Китайцы ориентировались на Неизменное, вечные Законы, о чем говорится в первой строке «Дао дэ цзина»: «Явленное Дао (Путь) не есть постоянное (истинное) Дао». То есть явленное, мир вещей, не отражает в полной мере законов Вселенной. Греки же в большей степени полагались на явленное, обозримое, на то, что можно подтвердить в опыте или логически. Лишь в XX веке – если не иметь в виду апофатическое богословие – наука пытается переосмыслить Ничто, в частности, новое понимание Вакуума в физике: космическая энергия таит в себе все невидимые формы. Но китайские мудрецы верили в изначальную **моральность** неявленного мира, в небесную Гармонию, которая должна осуществиться на Земле усилиями пробужденного человека (что в греческую мысль внесло христианство – «Благовест», Евангелие).

Хотя Демокрит признавал, помимо атомов, пустоту, но она противоположна тому, что понимают под Пустотой китайцы – пустотность от лишнего, от вибрирующих дхарм-элементов бытия, препятствующих Просветлению. (Циолковский назвал вибрирующую энергию «взбаламученным нулем».) Если Пустота для китайцев есть Великое Единое, изначальное лоно сущего, то у греков «пустота» разделяет вещи. Так же как беспредельное (апейрон) Анаксимандра не похоже на беспредельное *Дао* или Великий Предел (*Тайцзи*), который называют еще Великой Пустотой (*Тай сюй*).¹¹ Беспредельное греков нуждалось в паре, в пределе, что

⁸ Антология мировой философии. М., 1969, т. 1, с. 300.

⁹ Китайских мудрецов цит. по: Сочинения китайской классики: в 20 т. Токио, 1960-е годы (на китайском и японском языке).

¹⁰ Цит по: *Фэн Ю-лань*. Краткая история китайской философии. СПб., 1998, с. 242. Не могу не отметить неудачный, с моей точки зрения, перевод «у» как «отсутствие», «ю» как «присутствие», «наличие»; с таким же успехом можно назвать «у» «все-присутствием». Я перевожу «у» как «Небытие», «ю» как «Бытие», хотя приходится объяснять, что содержание этих понятий противоположно греческим. Возможно, целесообразнее оставлять китайские термины, для начала пояснив их смысл, как и делается дальше в упомянутой книге.

¹¹ «Дао-нуль бродит в царстве Великого Нуля; гнездится в Пустоте. Дао – середина (точка) без измерений, без формы, без постоянств» (*Алексеев В. М.* Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908). Петр., 1916, с. 455, 456). Ср. с Ари-

выражено в первой же из десяти пар Пифагора: «беспредельное-предел», то есть нужен предел, чтобы беспредельное осуществилось в мире вещей, подвластном человеку.¹² (Не случайно Плотин считал «двоицу» Пифагора первым различием и «дерзостью», послужившей причиной распада Единого на множество, а так как ум отпал от Единого, отпала от ума и душа.)

Можно вспомнить склонность греков к «четверице», образующей квадрат. (Не потому ли считали ее священной?) Эмпедокл, Аристотель признают четыре первоэлемента (огонь, вода, земля, воздух) и четыре основные науки (арифметика, геометрия, астрономия, гармоника). В основе творчества лежит **число**, геометрические фигуры, «сакральная геометрия». Согласно Платону, есть пять правильных многогранников: тетраэдр (атом огня), октаэдр (атом воздуха), икосаэдр (атом воды), гексаэдр (куб – атом земли) и додекаэдр (атом мирового эфира, источник сущего). Но в отличие от китайских «пяти энергий» (усин), они нейтральны, не обладают моральными качествами. В западной эйкумене Число, геометрические правила структурировали сознание, что не могло не сказаться на психологии человека, на характере искусства, архитектуры, музыки, на отношении к пространству и времени.

Почему же греки предпочли квадрат? Если прибегнуть к «гипотетически-дедуктивному» методу греков, то потребность в квадрате можно объяснить неприятием бесконечности, неопределенности, что, видимо, было связано с представлением об изначальном Хаосе¹³. Естественно желание оградиться от Хаоса, создать свой упорядоченный мир, чтобы обрести устойчивость. (Мудрецы Востока признавали один вид устойчивости **неустойчивую устойчивость**: нечто может быть устойчивым, если постоянно меняется в согласии с вселенским ритмом.)

Квадрат как замкнутая система давал временные преимущества: возможность сконцентрировать силы, полагаясь на самих себя, в искусственных, лабораторных условиях достичь максимума изобретательности, но он же закрывал человека от Неба. Сжатость энергии в огражденном пространстве придавала динамику процессам; человек вообразил себя «богоравным» (Сапфо), творцом мира, способным постигать и исправлять его законы.

И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира...
Так земля, что была недавно безликой и грубой,
Преобразуясь, приняла людей небывалые обличья.

(Овидий. Метаморфозы)

Антропоцентризм обусловил образ мышления, и греки действительно достигли чего хотели, заложив основы науки, философии, искусства, предопределив характер западной цивилизации. Но был в этой самонадеянности некий подвох¹⁴. Можно сказать, греки противопоставили себя Вселенной, бросили ей вызов. (Потому Плотин и говорит о «дерзости».) Квадрат способствовал взлету цивилизации греков, но и имел роковые последствия. Сама форма

стотелем: «Нелепо при этом считать пустотой точку: она должна быть местом, в котором имеется протяжение осязаемого тела» (Физика, 4, 7).

¹² Эта потребность в пределе, опоре прошла через всю европейскую культуру и прозвучала в «Потерянном рае» Дж. Мильтона: «Законам покоряюсь, и обрела // Пределы – беспредельность». (Не оттого ли, что человек так и не обрел опору в себе?)

¹³ В «Дао и Логосе» я посвятила этому главу «Хаос у греков»: «Прежде всего во Вселенной Хаос зародился, а следом // Широкогрудая Гея» (Гесиод. Теогония, 116-120). Слово «хаос» от «хайно» – «разверзаюсь», некая бездна – «хасма», куда все исчезает и откуда все появляется.

¹⁴ Под стать реплике Бл. Августина: «Если бы Адам не отпал от Тебя, не излился бы из его чрева этот морской рассол, род человеческий, предельно любопытный, неистово надменный, неустойчиво шаткий» («Исповедь» Блаженного Августина, XIII, 20, 28). И его же: «Душа в своих грехах в гордой, извращенной и, так сказать, рабской свободе стремится уподобиться Богу. Так и прародителей наших оказалось возможным склонить на грех только словами: „будьте, как боги“» (О Троице, II, 5, 8).

квадрата – прямой угол, резкий поворот на 90 градусов – располагала к противостоянию сторон. Греческие философы признали «борьбу» и «власть» (архе) законом Бытия. Мудрейший Гераклит утверждал: «Борьба – отец всего и всему царь. Одним она определила быть богами, а другим – людьми, а [из тех] одним рабами, а другим свободными» (В 53). (Заметьте, не господами, а свободными, видимо, имеется в виду предрасположенность одних к свободе, других к рабству.) Но тот же Гераклит верил в единство сущего: «Не мне, но логосу внимая, мудро признать, что все едино» (В 50); «...как расходящееся с самим собой приходит в согласие, самовосстанавливающаяся гармонию лука и лиры» (В 51).

Это и смущало Аристотеля: «Конечно, не может кто бы то ни было считать одно и то же существующим и не существующим, как это, по мнению некоторых, утверждает Гераклит» (Метафизика, IV, 3). И там же: «Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же отношении... – это, конечно, самое достоверное из всех начал» (Метафизика, 3, 3). Предпочли путь, предложенный Аристотелем: «...из единого выделяются содержащиеся в нем противоположности» (Физика, 1, 4).

Собственно, сама замкнутость, препятствующая движению вселенской энергии, склонность к **статике** неизбежно рождала желание преодолеть невидимые стены. Потребность в свободе имманентна сущему, но свобода не дается воинственному духу. Таков закон вселенского Пути, который обойти невозможно. Отсюда взрывчатость, скачкообразность движения: квадрат, который сковывает энергию, время от времени неизбежно разрушается, но каждый раз самовосстанавливается, ибо укоренен в сознании. Так или иначе, греки признали право одних властвовать над другими естественным состоянием вещей.¹⁵ Узаконили отношение господства-подчинения, существования одного за счет другого, хотя святые во все времена и на Западе, и на Востоке говорили, что невозможна свобода одного при несвободе другого.

Наконец, признание точки отсчета, какого-то одного начала (скажем, Вода Фалеса, Огонь Гераклита, Воздух Анаксимена, Число Пифагора) порождало причинно-следственный ряд, линейное, дискурсивное мышление, закон «исключенного третьего» (или то, или это, третьего не дано). Метод аналитики обусловил не только характер науки, но и психологию людей. Линия рассекла всё на две половины: субъект – объект, человек – природа, сущность – существование (которым со временем предстояло соединиться). «Половина» в принципе не может быть свободной, тем более претендующая на место целого. Место Целого заняла логика, предложенная Аристотелем (вместо Логоса Гераклита). Если логично, значит, истинно; эта аксиома владела умами вплоть до XX века, пока ученые не усомнились: «Если быть абсолютно логичным, ничего нельзя открыть» (Эйнштейн). Но это было время, когда квадрат терял опору.

Надо сказать, и греки признавали наиболее совершенной форму шара, круга, но уже Фалес рассек его диагональю, чтобы доказать равенство вписанных в него треугольников, основывая тем самым «линейную» геометрию. (Почти то же самое проделали на Гагской встрече 1954 года.) А вот как воспринимает «шар» Парменид: «Могучая необходимость // Держит в оковах его, пределом вокруг ограничив... // Есть же последний предел, и все бытие отовсюду // Замкнуто, массе равно вполне совершенного шара // С правильным центром внутри» (О природе, фр. 8, 30, 42). То есть шар ограничен пределом, замкнутость – залог совершенства, делает фигуру обозримой.

Закон «исключенного третьего», соответствующий идеалу «борьбы», породил поначалу девиз римлян – «разделяй и властвуй», предвещая их закат, а потом, спустя века, «борьбу всех против всех» – по выражению Гоббса. Нетерпимость мышления обусловила нетерпимое отношение людей друг к другу. «Вольноотпущенник природы» (по Гердеру) стал ее заложником.

¹⁵ «Ведь властвование и подчинение не только необходимы, но и полезны, и прямо от рождения некоторые существа различаются [в том отношении, что одни из них как бы предназначены] к подчинению, другие – к властвованию... Это общий закон природы, и, как таковому, ему подчинены одушевленные существа. Правда, и в предметах неодушевленных, например в музыкальной гармонии, можно подметить некий принцип властвования» (Аристотель. Политика, XI, 2).

Стремление к свободе от необходимости обернулось фатальной зависимостью от «мирового порядка», что признавал уже Сенека: «Мы не можем изменить мировых отношений. Мы можем только одно: обрести высокое мужество, достойное добродетельного человека, и с его помощью стойко переносить все, что приносит нам судьба, и отдаться воле законов Природы». Потому и неразрешимым оставался вопрос о «свободе и необходимости». Вечный спор Моцарта и Сальери: гения – свободы и ремесла – необходимости. Вспомним Пушкина:

Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию.

Необходимость разумели в пределах квадрата: «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет – и выше» (Сальери).

Ницше по-своему избавился от рокового вопроса, отшатнувшись от Неба: «Бог умер!» Вернулся к грекам, признав бессмысленность всех умозрительных систем; поставив инстинктивную жизнь над логикой, прославил Землю и Хаос. «Я заклинаю вас, мои братья, *оставайтесь верны земле* и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах!» – призывал Заратустра. «Я говорю вам: нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас есть еще хаос». И прежде чем утвердить «волю к власти», внушал страсть к «борьбе»: «Я призываю вас не к работе, а к борьбе. Я призываю вас не к миру, а к победе... Я же говорю вам, что благо войны освящает всякую цель» («Так говорил Заратустра»).

Круг замкнулся, тем более что оказался в пределах сокращающегося квадрата. «Бог умер!» – не оттого ли, что «Бог есть мысль, которая делает все прямое кривым, и все, что стоит, вращающимся?», – недоумевает Заратустра. Если умер Бог, значит умер человек, поначалу распался на суперменов и безликую массу, которую Л. Толстой назвал «злом мира».

Большинство страшится свободы и обречено на нее во спасение от себя, но не так, как учил Ницше: «*Я учу вас о сверхчеловеке*. Человек есть нечто, что должно превзойти». Не вина Ницше, что его идея обрекла сверхчеловека на «ад одиночества», призывая человека уйти корнями в землю, он втянул его в преисподнюю.¹⁶

Для России характерна мысль Достоевского о Божественной тайне мироздания: «Многое на земле от нас сокрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных... Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возшло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным; если ослабевает и уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе. Тогда станешь к жизни равнодушен и даже возненавидишь ее».¹⁷ Так и случилось. Безумие захватило не только Ницше, но большую часть людей, убоявшихся свободы. Время менялось, а сознание оставалось прежним, хотя «квадрат» уже явно аннигилировал, начинал распадаться.

¹⁶ Интересен взгляд индийского писателя Раджа Рао на сверхчеловека с точки зрения восточного Ничто: «Сверхчеловек – наш враг. Посмотри, что случилось в Индии. Шри Ауробиндо хотел улучшить *адвайту* Шри Шанкары, попытка улучшить цифровое положение ноля. Ноль образует все цифры, с ноля начинается все... Ноль безличен, в то время как один, два, три – все дуальны. Один всегда подразумевает многое, а ноль подразумевает Ничто» (Raja Rao. *The Serpent and the Rope*. L., 1960, p. 207).

¹⁷ Достоевский Ф. М. Собр. соч. М., 1984, т. 14, с. 290.

Итак, почему же оказалась конечной парадигма квадрата? В чем его уязвимость? Не потому ли, что замкнутая система подвержена энтропии? Квадрат оказался конечным, потому что его нет в Природе (и в природе самого человека). То есть квадрат – чисто человеческое изобретение, а все искусственное, не причастное вечности подвержено исчезновению. Даос Чжуан-цзы увещевал: «У буйвола и у коня по четыре ноги – это называется естественным. Конь в узде, буйвол с продырявленным носом – это называется человеческим. Поэтому и говорится: „Не губи природного человеческим, не губи естественного искусственным, не жертвуй собой ради приобретения. Храни свою природу, и вернешься к себе истинному“» («Чжуан-цзы», гл. 17).

Итак, греки создали «вторую природу» и сделали это настолько искусно, изящно, что побудили западную половину человечества идти по своим следам вплоть до XX века. Но в XX веке квадрат, сколь ни держалось за него помраченное сознание, изжил себя, утратил силу, вышел из подсознания (не хватило воздуха на глубине).

Россия и квадрат

В России квадрат не мог прижиться: не вписывался в вольнодумство, иррациональность русской души, не желающей следовать правилам. Конечно, мы могли подавить свою натуру, склонную к «беспределу», но ненадолго, пока жив тиран. Потом квадратный режим неизбежно распался. Вы можете возразить: а как же искусство, «Черный квадрат» Малевича? «Черный квадрат» Малевича – это стон души, реквием по «квадрату». Мастер поставил точку: дальше идти некуда – тупик или конец цивилизации, уподобляющей человека роботу с квадратным или треугольным лицом вроде «Девушки с красным древком» того же Малевича (1933). Квадрат, утратив древнюю священность, выпал из Замысла. Деформированный, он обнажил себя не только в живописи (кубизм, авангардизм), но главное – в самой жизни XX века: войны, революции, концлагеря. Типичное проявление «квадратного мышления» – фашизм.

Естественно, сознание начинает освобождаться от «квадрата», сокращающегося, как «шагреновая кожа». В его зауженных границах все превращается в свою противоположность, выстраданные надежды человека обернулись его отрицанием. В ответ возникла философия персонализма.¹⁸ «Дух дышит, где хочет», явленное в Духе не исчезает. Прорыв произошел не только в философии – в музыке. Скрябин прозревает суть происходящего: «слабеют и размыкаются прежние скрепы... непроницаемое становится разреженным и прозрачным, логическое алогическим» (из воспоминаний Вяч. Иванова).

В начале XX века русская философия осознала неизбежность прорыва, «прерывности» линейного мышления; восстала против «отвлеченных начал», забывших о человеке. Прозревая «всеединство» (Вл. Соловьев), «вселенское сознание» (Е. Трубецкой), свободу в духе (И. Бердяев), объявила «борьбу за Логос». Суть происходящего – в осознании высшего предназначения Личности, единичного как Единого. Говоря словами Вл. Соловьева: «Великий сущностный закон состоит в том, что универсальность одного существа всегда находится в прямой связи с его индивидуальностью: чем более существо индивидуально, тем самым оно и более универсально».¹⁹ В духе **соборности**: все сосуществуют, нераздельно и неслиянно.

Преображение «собрания» в «собор», согласно славянофилу А. С. Хомякову, – открытость другому, когда силы каждого принадлежат всем и силы всех – каждому. В этом суть Богочеловеческого организма, снискавшего благодать Духа Святого. Из того же истока исходит учение Вл. Соловьева о «положительном всеединстве»: «...всесовершенное или абсолютное

¹⁸ Отсюда молодежные бунты, осознание хрупкости жизни, движение хиппи. Василий Аксенов писал в «Асфальтовой оранжее»: «Не пройдет и года, как „квадраты“ в полицейской форме будут избивать „неквадратный народ“ в Париже, Чикаго и в других странах мира» (на английском сленге слово «square» означает презрительную кличку для никчемного человека).

¹⁹ Соловьев В. С. София. М., 1996, с. 26.

существо, вполне свободное от всяких ограничений и недостатков... *полная свобода составных частей в совершенном единстве целого*²⁰.

Тем русская идея отличается от превратно понятого индивидуализма на Западе как «атомизации» личности (наподобие греческой модели: атомы и пустота). По сути, то апофеоз эгоцентризма, делающего свободу невозможной в принципе, а вне свободы все обречено в конечном счете на гибель. Русские мыслители объявляют о необходимости «нравственной философии», не посягающей на духовную, прежде всего духовную свободу человека. Провозглашают «конкретную метафизику», укорененную в жизни; в онтологизме признают особенность русской мысли.

Итак, отвергли замкнутый квадрат, чтобы выйти к живому пространству, веря в его божественное происхождение. «Каждый перерыв – это та реальная, в пределах нашего мира лежащая точка, где *два* мира: мир „этот“ и „тот“, мир сущего и существующего, мир абсолютной свободы и мир причинной обусловленности – соприкасаются в реальном взаимодействии». И дальше, продолжает Эрн: «...или прогресса нет, или же он есть усвоение Абсолютного... Остаток истории, то будущее, которое отделяет нас от Вечности, должен быть заполнен небывалыми страданиями... Темные силы, почуяв конец своего господства, мобилизуют все, что имеют».²¹

Но видение «внутренней вселенной» предполагает изменение сознания, которое не случайно назвали «несчастливым». «Сознание подчинено закону, который знает общее и не знает индивидуального. Самая структура сознания легко создает рабство». Бердяев не раз возвращается к этой мысли: «Рабство есть прежде всего структура сознания». «Война в сущности определяется структурой сознания».²² Философ имел в виду преодоление плоскостного, одномерного мышления, тотальной зависимости одного от другого. Каждый наделен свободой, выше которой нет ничего. Посягательство на духовную свободу есть надругательство над человеческой Личностью.

Не потому ли именно в России происходит прорыв к Свободе, что непроницаемая власть толкала на это? Потому и поспешили возвести новый частокол, выдав его за новую жизнь. Но в квадрате, пусть обновленном, не было места творческому духу. Прорыв был неизбежен, и то, что возвести философы, – наступление «нового зона», уже не могло не сбыться. Еще выпало миру немало испытаний, но квадрат был развенчан. И это предвидел Бердяев: «Цивилизация возникла как средство, но была превращена в цель... Культура... есть средство для... духовного восхождения человека, но она превратилась в самоцель, подавляющую творческую свободу человека».²³ (А в наши дни движение против глобализации разве не имеет тех же корней: страха перед стандартизацией, унификацией личности и народов?)

Прекрасная сама по себе идея «Всеединства» не может осуществиться, пока не изменится сознание, не увидит в единичном Единое. Отсюда и ужасы начавшегося века, и, что ни возьми, везде растерянность, мельтешение в литературе, нетребовательность к себе и другим – барахтаются, как в безвоздушном пространстве, сквернословят, прикрывая свою немощь; с кислой миной смотрят на прошлое, теребят память предков. И этим был обеспокоен Евгений Трубецкой в начале XX века: «Опасность для России и для всего мира – тем больше, что современный хаос осложнен и даже как бы освящен культурой... Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя».²⁴ Пока что в Бога он не вырос, но Пути к восхождению ему не заказаны, ибо он причастен Вселенскому сознанию. И об этом у Евгения Трубецкого: «Раз истина есть

²⁰ Соловьев Вл. Красота в природе: Сочинения: в 2 т. М., 1988, т. 2, с. 361.

²¹ Эрн Вл. Борьба за Логос. М., 1911, с. 256, 260.

²² Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. (Опыт персоналистической философии). Париж, 1939, с. 36, 110, 136.

²³ Там же, с. 109.

²⁴ Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. М., 1916, с. 52–53.

всеединое сознание, она объемлет в себе все сознаваемое вообще, стало быть, и все мое сознание». ²⁵

Есть только два отношения к жизни – внутреннее и внешнее, как есть два типа культуры – созерцательно-творческая и хищнически-механическая, подвел итог отец Павел Флоренский. Назначение культуры – борьба с мировым уравниванием или смертью, но помимо зависимости недоразвитого ума от Хаоса, энтропии человеку назначена устремленность к Логосу, эктропии. Потому Флоренский и ратовал за «обратную перспективу», которая, устремляя взор вовнутрь, создает духовное поле, «пространственную цельность, а не часть, механически отделенную». Сторонник прямой перспективы – «царь и законодатель природы» – мыслится одноглазым, как циклоп, ибо второй глаз, соперничая с первым, нарушает абсолютность точки зрения. Это глядение одним, правым глазом «не сопровождается ни воспоминаниями, ни духовными усилиями». (Не потому ли, что работает лишь левое полушарие?) Предполагается, что «никаких форм в природе не существует. Не существует никаких реальностей, имеющих в себе центр и потому подлежащих **своим** законам». Все зримое и воспринимаемое есть только простой материал для заполнения схемы, извне накладываемой на безличный и безразличный материал.

Живой ум ученого не мог смириться с бесформенностью, неиндивидуальностью пространства. Предпосылки такого рода отрицают и природу и человека, «хотя и коренятся, по насмешке истории, в лозунгах, которые назывались „*натурализм*“ и „*гуманизм*“, а завершились формальным провозглашением прав человека и природы». ²⁶ Но те же греки говорили: «Из чего все вещи получают свое рождение, в то они и возвращаются, следуя необходимости. Все они в свое время наказывают друг друга за нечестивость» (Анаксимандр). И Блаженный Августин: «Ты повелел ведь – и так и есть – чтобы всякая неупорядоченная душа сама в себе несла свое наказание». Действительно, настало время выбора: или подняться, или упасть так низко, что уже не подняться. Не может человек жить дольше в замкнутом пространстве, но не знает, как быть, ищет выход вдалеке, а он совсем близко, в собственной душе.

Однако трудно расстаться с квадратом, который в глубине сознания, в котором находят опору, пусть и пошатнувшуюся, но другой не знают. С одной стороны, для Казимира Малевича «Черный квадрат» – крик отчаяния, с другой, всё – «зародыш всех возможностей». Он убежден в его неисчерпаемости. Не потому ли, что созрела потребность, но не явилась Форма? Родилась надежда узнать, что Там, за видимыми вещами: Нуль, Ничто, где затаилось Единое? «В человечестве образован полюс единства, к нему сойдутся все культуры радиусов» (К. Малевич. О новых системах в искусстве). ²⁷ «Если кто-то познал абсолют, познал ноль» (из манифеста Малевича «Супрематическое зеркало», 1923), но не находили для себя места в нем. И не могли найти, пока не отошли от древних архетипов, которым пришло время оставить человека в покое. Ощувив Ничто, не открыли его смысла: «Нет бытия ни во мне, ни вне меня, ничто ничего изменить не может, так как нет того, что... могло бы быть изменяемо», – признается Малевич в том же манифесте.

С одной стороны, возникает тяга к буддизму, с другой, не осознается его конечная цель – Нирвана, Свобода от иллюзорного мира, от помраченного сознания, обрекающего человека на страдания-*дукху*. (Мне уже приходилось писать о восточном Ничто, которое, в отличие от западного, есть до-бытие, а не после-бытие, не раскрывшееся, не ставшее еще бытие, – извечная Основа, а не конец сущего; и о превратном понимании буддизма как пессимизма.) Преодолевая себя внешнего, вечно алчущее эго, человек узнает себя внутреннего, истинного – всечеловека. Но в пределах Квадрата и не могло быть осознано учение, возникшее на другой основе.

²⁵ Трубецкой Е. Н. Трубецкой. Избранное. М., 1997, с. 168.

²⁶ Флоренский П. А. Обратная перспектива. М., 1990, т. 2, с. 58.

²⁷ См. публикации на тему «Метафизика „Черного квадрата“ К. Малевича» Е. В. Шахматовой и «Медитация на темы Малевича».

На Востоке Ничто никогда не изобразили бы «черным квадратом», но изображали пустым, белым кругом, разомкнутым в вечность. И это доступно тем, кто не подвластен магии квадрата, таким философам, как Николай Бердяев, для которого Ничто есть полнота непроявленного мира, источник сущего.

И все же сознание было потрясено, но не пробуждено, еще существовал разрыв между свободной интуицией и жесткой логикой квадрата, но до поры до времени. До сих пор на слуху строки поэта-романтика Павла Когана (1918–1942), погибшего под Новороссийском, – автора знаменитой «Бригантины»: «И снова тишь. //И снова мир. // Как равнодушие, как овал. // Я с детства не любил овал! // Я с детства угол рисовал!» («Гроза», 1936). И трудно усомниться, что «веку он не изменял». Но двадцать лет спустя Наум Коржавин, взяв эпиграфом строку Павла Когана, скажет: «Меня, как видно, Бог не звал //И вкусом не снабдил утонченным. // Я с детства полюбил овал //За то, что он такой законченный» («Овал»). Что происходит в глубине сознания в наше время, позволяют судить стихи еще одного романтика: «Пусть будет поиск неуемен // И ты откроешь – мир объёмов! //У мира странное лицо: //В овале угадай яйцо. // Иные лики есть у мира. // Ведь угол – символ пирамиды».²⁸

А разве не меняется на глазах архитектура, убегающая от крутых углов к волнообразной линии, возрождая округлость православных храмов, столь не похожих на возносящиеся к небу готические соборы? Или, напоминает Флоренский, свобода переливов в русской хоровой песне. Полная свобода всех голосов, «сочинение» их друг с другом, в противоположность подчинению. «Единство достигается внутренним взаимопониманием исполнителей, а не внешними рамками... Так народная музыка охватывает неиссякаемый океан возникающих чувств, в противоположность застывшей и выкристаллизовавшейся готике стиля контрапунктического... В философии здесь автору хочется сказать то самое, что поет в песне душа русского народа. Не систему соподчиненных философских понятий...но свободное „сочинение“ тем определяет сложение всей мысленной ткани».²⁹

Живой, органичной философии Флоренский противопоставляет застывшую, поверженную схемой науку: «Философия в самом существенном отрицает метод науки... В противоположности мысли, которая твердо „стоит“ и „не-движна“, и мысли, которая „убегает и не хочет стоять, где ее поставили“, указывается несовместимость Науки и Философии. Эта несовместимость есть непримиримость условной манеры и подлинной отзывчивости, непримиримость рабства и свободы, непримиримость спеленутой мумии и живого тела».³⁰

Истинная Форма не поддается формализации, ибо находится внутри, храня Единое в единичном. Избегая статики, постигают подвижное неуловимое, доступное интуитивному чувству Вселенной. Отсюда неприязнь к догматизму в науке, оторванной от жизни, превратившейся в чистый механизм для подражания. Однако через некоторое время Павел Флоренский меняет свое отношение к науке, потому что меняется сама Наука. Великие открытия под силу великому уму. Он восторгается методом Анри Пуанкаре именно потому, что ученый видит свое назначение в «искании особой красоты, основанной на чувстве гармонии».³¹

Подвижный, чуткий к переменам ум философа заставляет признать: «С началом текущего века научное понимание претерпело сдвиг, равного которому не найти, кажется, на всем протяжении человеческой мысли... Эти два признака суть прерывность и форма...»

²⁸ Из книги Ю. Б. Борева «Кризис человечества и пути выхода», СПб., 2002.

²⁹ Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М., 1990, т. 2, с. 30, 31.

³⁰ Там же, с. 129.

³¹ Там же, с. 217.

Непрерывность изменений имеет предпосылкой отсутствие формы: такое явление не стянуть в одну сущность изнутри. Эволюционизм как учение о непрерывности существенно подразумевает и отрицание формы, а следовательно – индивидуальности явлений». ³²

«Эволюционизм» как проявление горизонтального мышления дает о себе знать и в сфере лингвистики. Образцом отношения к языку он считает Вильгельма фон Гумбольдта, у которого в языке все живет, все течет, все движется: «человек – творец языка, божественно свободен в своем языковом творчестве, всецело определяемом его духовной жизнью, **изнутри**» (с. 155). И добавляет: «**Нет** индивидуального языка, который не был бы вселенским в основе своей; **нет** вселенского языка, который бы не был в своем явлении – индивидуальным» (с. 164).

Не удивителен интерес к В. Гумбольдту, с точки зрения которого выявление человеческой духовной силы в продолжение тысячелетий на пространстве земного круга есть высшая цель, окончательная идея, которая должна вытекать из всемирно-исторического процесса. «Возвышение или расширение внутреннего бытия – вот то единственное, что отдельная личность, насколько она к этому причастна, вправе считать своим нетленным приобретением, а нация – верным залогом будущего развития новых великих индивидуальностей». ³³ Павел Флоренский писал сыну с Соловков в феврале 1937 года, незадолго до расстрела: «Что я делал всю жизнь? – Рассматривал мир как единое целое».

Поистине, «Великий ум един»; потому и един, что уникален. Не во всем согласны философы, Бердяев и Флоренский, но их объединяет вера в человека. Посвятительство на самовыражение индивидуальности есть посвятительство на Духа Святого.

Так или иначе, в духовной сфере происходит смещение центра из сферы внешнего в сферу внутреннего, от количественного измерения к качественному. Точка, которая для Аристотеля «начало линии», обретает самостоятельность; линия состоит из точек, притом каждая из них олицетворяет целостность. (Как у буддистов: в миге заключена вечность, в точке – вселенная.) Сам **квадрат** у Флоренского сводится к точке. Возможно ли четырехмерный или трехмерный образ отразить на двухмерном протяжении? Георг Кантор установил соответствие между **каждой** точкой квадрата и **каждой** точкой его стороны. «Ни одна точка квадрата не остается неотображенной, и ни одна точка изображения не будет пустой, ничему не соответствующей... непрерывные множества между собою все равномошны. Но, обладая одинаковой мощностью, они не имеют одних и тех же „умопостигаемых“ или „идеальных“ чисел... то есть не „подобны“ между собою». ³⁴

Судя по статье, написанной для «Словаря символов», «Точка» для Флоренского – знак Единого, в ней все соединилось: пустота и полнота, свет и тьма, мир видимый и невидимый (она есть и не есть одновременно), единица и нуль. Прямая, горизонтальная линия, по Флоренскому, есть машина для уничтожения реальности. Лишь при восхождении по вертикали образуется пространственный синтез. ³⁵ Само «число» освобождается от «тела». ³⁶

Но почему в осмыслении происходящего доминирующую роль начинает играть Наука? Во-первых, такова ее природа: познавать непознанное. Во-вторых, изменилась сама наука, преодолевшая дуализм, альтернативный способ мышления, признав квантовую структуру, двуединство сущего, не только волны и корпускулы (принцип дополнительности Нильса Бора), но

³² Флоренский П. А. Пифагоровы числа // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971, № 5, с. 504–505.

³³ Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984, с. 46–47.

³⁴ Флоренский П. А. Обратная перспектива. М., 1990, т. 2, с. 83, 84.

³⁵ См. ст. П. А. Флоренского «Точка» в неопубликованном при жизни «Словаре символов» (гений математической и философской мысли был расстрелян на Соловках в 1937 году).

³⁶ Как пишет Ф. Степун: «Пифагорейское число, лежащее в основе всех вещей, не что иное, как мера и пропорция, как чувственная плоскость античной статуи... Пафос дали, пафос бесконечности абсолютно чужд аполлинической душе, потому античная математика никогда не могла бы принять концепции иррационального числа. Иррациональное число является расторжением связи между числом и телом и созданием связи между числом и бесконечностью» (Ф. А. Степун «Освальд Шпенглер и Закат Европы», в сборнике того же названия, М., 1922, с. 17).

духа-материи, времени-пространства, прошлого-настоящего. Все одновременно континуально и дискретно, амбивалентно само движение (туда-обратно, по принципу электрического тока). Двуетное не может не иметь своего центра, центрированность делает каждую вещь целостной, нарушать же целое значит посягать на жизнь.

Физики обнаружили в вакууме не хаос, а упорядоченность: «Изучение субатомных частиц и их взаимодействий открывает нашему взору не мир хаоса, а в высшей степени упорядоченный мир», – писал Ф. Капра более трех десятилетий назад в книге «Дао физики», название которой говорит само за себя.³⁷

Если каждая реальность есть «центр бытия», имеет форму, подчинено своим законам, то ничто существующее не может рассматриваться как безразличный и пассивный материал для заполнения каких бы то ни было схем. Мысль соединяется с чувством, субъект с объектом и несет за него ответственность, то есть преодолевается отчуждение субъекта от объекта, разделившее мир на враждующие стороны. Если изменилась картина мира – он более не напоминает замкнутый квадрат, – не могло не измениться сознание, и наоборот: сознание притягивает бытие.

Бердяев назвал новый тип сознания «сингулярным» (теперь бы назвали «голографическим»); каждая точка единственна и сопряжена с вечностью – суть в самопроявлении единичного как Единого). Можно, видимо, сказать, что **русской парадигме** присуще «точечное» восприятие мира, срединное между Квадратом и Кругом. Недаром знающие говорят, что Россия расположена между Западом и Востоком и ее назначение – примирить обе стороны, без которых «метафизика всеединства» останется мечтой. Наверное, так и будет, если прав Владимир Соловьев и «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности».³⁸ Бердяев же скажет: «И только человек, занявший место в космосе, уготованное ему Творцом, в силах преобразить космос в новое небо и новую землю».

Павел Флоренский воплотил еще одно качество русских: непредубеждение, способность видеть и восторгаться другим – во имя высшей Истины. Он не совсем согласен, что «круглое мышление», способ мыслить и излагать созерцательно называется «восточным». Ближе многих других к нему подходит мышление английское, гораздо менее немецкое. **Гете, Гофман, Новалис, Баадер, Шеллинг, Беме, Парацельс** могли бы быть названы в качестве доказательств противоположного.³⁹ Но это имена тех, кто **над** границами, о ком Конфуций сказал: «Высший ум един, не подвержен изменениям».

Итак, научное мышление становится открытым к нетрадиционным формам знания, в частности восточным, о чем не раз говорил датский физик Нильс Бор. Своей эмблемой он сделал Великий Предел (Тайцзи), обведя инь-ян латинским изречением: «Противоположности дополняют друг друга». (Соединились, наконец, квадрат и круг, тяготея к заложенной в природе двойной спирали.) Принцип дополнительности универсален, присущ двум типам сознания (западному-ян и восточному-инь) и каждому человеку, ибо в каждом живет созерцатель-зритель (инь, правое полушарие) и деятель-актер (ян, левое полушарие одного и того же мозга). К восточным учениям проявляли интерес крупнейшие ученые XX века, находя в них новые методологические подходы, как о том не раз писал Вл. Вернадский: «Величайшим в истории культуры фактом, только что выявляющим глубину своего значения, явилось то, что научное знание Запада глубоко и неразрывно уже связалось в конце XIX столетия с учеными, находящимися под влиянием великих восточных философских построений».⁴⁰

³⁷ Капра Ф. Дао физики. СПб., 1994, с. 201.

³⁸ Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. М., 1989, т. 2, с. 220.

³⁹ Флоренский П. А. Обратная перспектива, т. 2, с. 27.

⁴⁰ См. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М., 1977, кн. 2, с. 62, 64, 65.

Значит, правы мудрецы Востока и Запада: «Все Пути ведут к одному». И «нет ни иудея, ни грека, ни раба, ни свободного», говоря словами Апостола Павла (Гал., 3, 28). Только «не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего» (Рим., 12, 2). И Бл. Августин уверял: «Душа может познать единую истину многими способами» (Исповедь, XIII, 20). Великие математики открыли путь к «предустановленной гармонии» – в духе интуиции Шеллинга: «...самораздвоение единого тождественного начала имеет целью самосознание единого».

На этой основе выросла **синергетика** – метанаука, многомерная логика, знаменующая переход к открытым, нелинейным, то есть живым, системам, способным к самоорганизации.⁴¹ В России синергетика нашла благодатную почву, если иметь в виду те качества русской мысли, о которых шла речь: интуиция, спонтанность, доверие внутренней форме, не противопоставление одного другому, не подчинение заранее заданной схеме, а свободное изливание того, что рождается в натруженной душе.

Приведу еще одно свидетельство из «Обратной перспективы» Флоренского: «„Всякий метод есть ритм“, – говорит Новалис, и постижение реальности есть со-ритмическое биевание духа, откликающееся на ритм познаваемого». Синергетики назовут это резонансным воздействием: соединять разное, людей и народы, не прибегая к силе, что кончается катастрофой, – предупреждает основатель русской синергетической школы Сергей Павлович Курдюмов. «Мягкое управление – это управление посредством „умных“ и надлежащих воздействий... Правильные резонансные воздействия могут высвободить мощные внутренние силы и возможности человека или социального (культурного, научного) сообщества. Так что управляйте мягко, но с умом, и вы добьетесь многого!»⁴² Синергетическое видение, уверяет ученый, откроет пути коэволюции человека и природы, во имя спасения того и другого: ставший человеком не будет разрушать Дом бытия.

Закон самоорганизации сам по себе свидетельствует, что Природа разумна, что Хаос не изначален, а возникает, когда приходит время изменить порядок для восхождения на новый виток спирали. Переход из бывшего в будущее, от изжившей себя формы к той, которая соответствует новой ситуации (о чем говорит «Книга Перемен»). Но если Хаос не изначален, значит, конечен. О синергетике уже немало написано, и будет возрастать интерес к ней как к науке, прогнозирующей будущее, чтобы неизбежный пока хаос не стал необратимым.⁴³ Становится реальным решение извечной проблемы – свободы от необходимости. Необходимость как данность – то, что происходит независимо от человека, но в чем он начинает принимать участие, резонируя на происходящее, подбирая оптимальное решение (аттрактор). То есть синергетика «толкает ум» в суть происходящего, посылает SOS! Здесь опасно: корабль может наскочить на скалы или на мину, если возьмет неправильный курс.

Но куда движется сам корабль, какова его цель? Не та ли это **энтелехия**, которая открылась Аристотелю и без которой все теряет смысл? Синергетика признает не только колебательное движение – по горизонтали, обратимое, но и необратимое, по вертикали, к более совершенному порядку (в духе **синергии**, соединяющей земное с небесным, человеческое с божественным – во имя целого человека). По мысли Шеллинга: «Величайшая цель и тенден-

⁴¹ У меня не случайно возник интерес к синергетике, он возник и благодаря научному обаянию С. П. Курдюмова, и благодаря близости синергетики духу восточных учений, о чем я писала в статье «Синергетика и Восток» (см. монографию: Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М., 2000).

⁴² См. Киязева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. СПб.: Алетейя, 2002, с. 303.

⁴³ Действительно, не в том смысле, как полагают философы постмодернизма, сравнивая свою методологию с «теорией хаоса», обосновывая тем, что «постмодернизм отличает многозначность, плюрализм, сомнение, отстраненность, ирония, коллажность... стремление к разрушению порядка» (см. статью К. Х. Делокарова «Синергетика как вызов философии» // Синергетика, философия, культура. М., 2001, с. 27). Синергетика скорее альтернатива постмодернизму, она призвана упорядочить неупорядоченную смесь всего со всем – подобно Нусу Анаксагора, созидать Ноосферную Реальность.

ция целого состоит в том, чтобы природа перешла в духовное». В это верили русские космисты и древние мудрецы Китая.

Китайская модель (парадигма круга)

Итак, китайцы шли от **Неба**, от небесного Пути, предопределяющего Путь человеческий, о чем свидетельствуют древнейшая «Книга Перемен» и комментарий к ней («Десять крыльев»). Но между Небом и Землей нет разрыва, энергия ци постоянно циркулирует между ними, небесный круг придает земному квадрату круговое движение.⁴⁴ Небо рождает «образы» (*сян*), мудрецы древности, обладая тонкой энергией *цзин*, передают их смысл. Так возникла «Книга Перемен». «В древности правитель (*ван*) Поднебесной Фуси, глядя на Небо, наблюдал образы... Опуская взор вниз, наблюдал законы Земли... Так впервые начертал восемь триграмм, исполнив веление (*дэ*) светлого духа, постиг все чувства (*цин*) сущего» – сказано в древнем комментарии к И цзину «Сицзычуань» (11, 2).⁴⁵ Совершенномудрые считывали небесные знаки, потому что Истина заложена в духовной энергии цзин, о чем свидетельствует Лао-цзы: «В таинственной глубине Дао скрыта чудесная духовная энергия (цзин ци). В ней – высшая Истина, в ней творящий Свет» (Дао дэ цзин, 21).

Триграммы были сдвоены, и появились гексаграммы, состоящие из шести черт: иньских – прерванных и янских – целых.

За исключением двух первых гексаграмм: чистое Творчество (*Цянь*) – шесть целых черт и чистое Исполнение (*Кунь*) – шесть прерванных (программа-максимум для человека), остальные 62 гексаграммы представляют собой разное сочетание иньских и янских черт, характеризующих переживаемую ситуацию. Суть отношения инь-ян в их нераздельности: они присутствуют друг в друге, меняется лишь их соотношение, и потому не могут сталкиваться. В худшем случае могут расходиться в разные стороны, как в ситуации Упадка (Пи, 12-я гексаграмма). Но есть Неизменное в Изменчивом, Перемены совершаются по кругу, следуя друг за другом, как солнце и луна (которые и образуют иероглиф «И» – «Перемены»). Потому и называли первоначально «Книгу Перемен» «Чжоу И»: «Перемен по кругу-чжоу», но не замкнутому, а бесконечному, всеобъемлющему. И в «Сицзычуань» сказано: «Эта Книга по кругу омывает шесть Пустот, где нет верха и низа, где мягкое и твердое переходят друг в друга».

Великая Пустота изначально чиста, свободна от примеси, помех, ее называют чистой духовностью-*шэнь*.⁴⁶ Земля не погибнет, пока сообщается с Небом, – и об этом предупреждает потомков И цзин: «Небо и Земля не связаны, будет Упадок» («Туань-чжуань»). В тексте гексаграммы «Упадок» сказано: «Великое отходит, малое приходит». Это значит, «что Небо и Земля не связаны, и все сущее не развивается... Внутри – ничтожество, а вовне – благородный человек. Путь ничтожеств – расти, а путь благородного человека – умаляться».⁴⁷

Единство Земли и Неба унаследовано от Великого Предела. Впервые понятие Великого Предела появилось в «Сицзычуань»: «В Переменах есть Великий Предел, из которого рожда-

⁴⁴ «В символике геометрических форм Книги небу присвоена форма круга, а земле – квадрата. Пространственно небо мыслится куполообразным, а земля – „прямой“, плоской. Но, вступая во взаимодействие с небом, земля должна полностью приноровиться к нему, чтобы осуществить его импульсы» (*Щуцкий Ю. К.* Китайская классическая «Книга Перемен». М., 1960, с. 202). Схема гексаграмм И цзина, в порядке Фуси, представляет собой двойной круг, внутренний и внешний, – олицетворяя Великий Предел, в круг вписан квадрат из 64 гексаграмм. То есть круг объемлет квадрат, задает ему программу. Так же небесный алтарь имеет форму круга, а земной – квадрата; небесное дэ круглое, а земное – квадратное.

⁴⁵ «Книга Перемен» и комментарий цит. по: Сочинения китайской классики, т. 1. Токио, 1966, с. 527.

⁴⁶ Шэнь – духовная субстанция, заложенная в «изначальной энергии» (*юань ци*) и актуально в мировой «пневме» (*ци*)... Потенции мыслительной, познавательной и любой психической деятельности реализуются в движении «духовной пневмы» (шэнь ци)... В «Дао дэ цзине» дао объявлено одухотворяющим (*шэнь*). По «Чжуан-цзы», «духовной жизни» угрожает «механическое сердце» (*ци синь*). (См. ст. о шэнь А. Г. Юркевича. «Китайская философия» // Энциклопедический словарь. М., 1994, с. 505–506).

⁴⁷ *Щуцкий Ю. К.* Там же, с. 106.

ются два образа (инь-ян)» (1, 11). Великий Предел – это не тот «предел», который ограничил «беспредельное» греков, составляя с ним пару. Великий Предел не имеет пары, он целостен, двуедин («в нем обе Формы коренятся») и потому беспределен, рождает вселенский ритм, пульсирующую энергию, живую и разумную. Все по природе своей не только двуедино (инь-ян одновременно), но и **троично**: имеет свой центр, благодаря которому сообщается с высшим духом, назови его Дао, Великим Пределом или Законом-Ли (в отличие от греческого шара). И Лао-цзы напоминает: Великое Дао, «находясь в бесконечном движении, не достигает предела. Не достигая предела, возвращается к истоку» (Дао дэ цзин, 25).

Сопряженность с Высшим позволяет инь-ян не распадаться, не превращаясь в «двоицу», сохранять целостность. Как сказано у Чжуан-цзы: «Когда „это“ и „то“ не стали парой, называется осью Дао. Эта ось начинается в центре бесконечного круга» (гл. 2 «О равенстве вещей»).⁴⁸ И в «Книге Великой Тайны» Ян Сюна (53 г. до н. э. – 18 г. н. э.) – подражании И цзину – в главе «Круговорот» читаем:

Водрузишь ось сердцевины,
В круговороте нет углов...
Доверься круговороту, его правде!
Ввысь проникнешь до неба.⁴⁹

Потому Великий Предел изображают в виде круга с двумя полу-изогнутыми половинами: темной-инь со светлой точкой-ян и светлой-ян с темной точкой-инь. Одно присутствует в другом, как в зародыше, который, пребывая в покое, всему дает жизнь. Великий Предел, предотвращая отклонение от Небесного Пути, охраняет от гибели. Потому мудрецы и следуют Срединности (*Чжун*), избегая крайности, содействуют благу свершению. (Сам иероглиф «чжун» напоминает ось, проходящую через центр квадрата.) Как сказано в «Чжун-юнь» («Постоянство в Срединности»), «Срединность – Великий корень Поднебесной. Уравновешенность (Хэ) – совершенный Путь Поднебесной».⁵⁰ Срединного Пути придерживались мудрецы. «Как велико дэ достигшего Срединности! И как редко оно среди народа», – сетует Конфуций (Лунь юй, VI, 27).⁵¹

Итак, можно сказать, все заряжено Великим Пределом и потому само по себе, самоестественно к нему устремляется, к своему истоку и к своему завершению – в проходящем цикле. Все едино и единично одновременно, нераздельно и неслиянно, одно не существует за счет другого, все согласуется: земное с небесным, человеческое с природным, физическое с психическим, этическое с эстетическим. («Одно во всем и все в Одном», – скажут дзэнские мастера.)

Неоконфуцианцы династии Сун (960-1279) заострили внимание не только на энергии ци, но и на универсальном и одновременно индивидуальном *ли*, благодаря которому земное сообщается с небесным. Ли делает каждую вещь тем, что она есть, дает ей внутреннюю форму. (Недаром Лейбниц (1646–1716) придавал такое значение китайским учениям и особенно понятию «ли», находя общее с монадами, в каждой из которых заложена Творцом своя программа, приближая сущее к «предустановленной гармонии».)

Не удивительно, что в Ли, отражающем Небесную волю, воплотились «пять постоянств» (учан), пять изначальных свойств моральной Природы: Человечность (Жэнь), Долг-

⁴⁸ Чжуан-цзы цит. по: Китайские мудрецы, т. 12. Токио, 1987, с. 60.

⁴⁹ *Щуцкий Ю. К.* Там же, с. 142. (Надо думать, при вращении квадрата вокруг оси, покоящегося центра, квадрат уподобляется кругу, если движение вокруг оси безостановочно, лишено искусственной статики.)

⁵⁰ Сочинения китайской классики, т. 4. Токио, 1967, с. 176.

⁵¹ Этим даром уравновешенности восторгался Л. Толстой: «Мое хорошее нравственное состояние я приписываю тоже чтению Конфуция и, главное, Лао-цзы... исполнение законов природы – это мудрость, это сила, это жизнь» (*Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: в 20 т, т. 19. М., 1965, с. 311).

Справедливость (И), Благожелательность (Ли), Разумность (Чжи), Искренность (Синь).⁵² Им соответствуют «пять видов энергии» (*усун*): Жэнь – Дерево, И – Металл, Ли – Огонь, Чжи – Вода, Синь – Земля. Все укладывается в пятерицы: планеты, времена года, стороны света, звуки, цвета; все резонирует – в одном месте тронешь, в другом отзовется. Если нарушена Справедливость, все приходит в разлад. «Великая справедливость в природе, // без которой Небо с Землей не взаимодействуют //И все сущее не приходит в движение», – комментирует Конфуций тексты И цзина.⁵³

Пятерицы вращаются по кругу, в прямом, благоприятном порядке взаимного порождения, и в обратном, неблагоприятном порядке взаимного преодоления (но не уничтожения), под воздействием сил инь-ян. «Благодаря трансформирующей (преобразующей) силе *ян* и объединяющей силе *инь* возникают действенные начала – Вода, Огонь, Дерево, Металл и Земля. Распределяются эти Пять Действующих Начал гармонично, и Четыре Времени Года следуют друг за другом в правильном порядке. Пять Действующих Начал выступают, таким образом, то как *инь*, то как *ян*. *Инь* и *ян* суть Великий Предел. Великий Предел, однако, основывается на Беспредельном», – пишет сунский философ Чжоу Дунь-и в трактате «Объяснение схемы Великого Предела».⁵⁴

Все имеет пятеричную структуру – и явления этого мира, и фазы развития, и душевное состояние человека. То одно преобладает, то другое. Одна фаза проходит под знаком Огня, другая под знаком Воды и требует к себе соответствующего отношения: не удвоения инь или ян, а их уравновешенности, ибо удвоенное ян-огонь ведет к Мировому пожару, а удвоенное инь-вода – к Мировому потопу. Благоприятный порядок, который ученые-синологи называют «космогоническим», то есть соответствующим Небесному Дао, – это Дерево – Огонь – Вода – Металл – Земля. Современный порядок считают неблагоприятным, ибо Металл выходит на первое место: Металл – Вода – Дерево – Огонь – Земля, одно подавляет другое.⁵⁵ Действительно, Металл хорош на своем месте, как средство цивилизации, а не ее цель. В последнем случае все переворачивается вверх дном: «Люди гибнут за металл», бряцают оружием, пульей в затылок решают свои проблемы. Проникая в сознание, металл проникает повсюду: в отношения людей, в музыку, поэзию, живопись. Добываемый из недр Земли, он несет ее подспудную силу.

Но и ситуация Металла сменится, ибо ничто не стоит на месте, круговращается, имея свой Центр: центр пяти энергий – Земля, центр пяти постоянств – Искренность. Без Искренности невозможны остальные четыре: Человечность, Справедливость, Благожелательность, Разумность. Искренности придают особое значение (начиная с Мэн-цзы ее обозначают иероглифом *чэн*): лишь искреннее сердце сообщается с Небом, сердце, утратившее Искренность, «механическое», приводит ко всеобщему Упадку. Как сказано в «Чжун-юн»: «Искренность – Путь Неба, стремление к Искренности – Путь Человека». Потому сердце (*синь* — душа, разум, центр сознания) должно быть очищено от всякой суэты, должно быть «пустотным», ибо через сердце сообщается человек с Небом и следует ему.⁵⁶ Через сердце, достигшее полноты, человек познает себя истинного. «Кто исчерпал свое сердце, тот познал свою изначальную природу

⁵² То самое «постоянство», о котором у Лао-цзы сказано: «Возвращение к корню называю покоем, покой – возвращением к жизни по велению Неба. Возвращение к жизни называю Постоянством. Знающий Постоянство – Просветлен. Не знающий Постоянства, не ведая того, творит зло» (Дао дэ цзин, 16).

⁵³ И Цзин, «Книга Перемен» и ее канонические комментарии / Пер. В. М. Яковлева. М., 1998, с. 149.

⁵⁴ И Цзин, «Книга Перемен» и ее канонические комментарии / Пер. В. М. Яковлева. М., 1998, с. 216.

⁵⁵ Needham J. Science and Civilization in China, vol. 1–2, Cambridge, 1956, v. 2, p. 253.

⁵⁶ На сердце уповали и христианские святые: «Если... достигнешь чистоты сердца, производимой верою в безмолвии от людей, и позабудешь знание мира сего, так что не будешь и ощущать его, то внезапно обретется перед тобою духовное видение» (Сириян Исаак преподобный. Слова подвижнические. М., 1993, с. 217). А Достоевский скажет: «Без чистого сердца – полного, правильного сознания не будет».

(сын). Кто познал свою природу, тот познал Небо» (Мэн-цзы). Все идет своим чередом по кругу, не повторяясь, а восходя на следующий виток спирали.

У Пути есть высшая цель, наиболее емко это выражено в «Сицы-чжуань»: «Одно Инь, одно Ян и есть Дао. Следуя ему, идут к Добру (*Шань*). Осуществляя, проявляют изначальную природу (*син*)» (1, 5). Обычно переводят как «чередование» инь-ян. И действительно, по мере того как одно прибывает, другое убывает (как в природе: прилив-отлив, вдох-выдох). Все живое, пульсирует в естественном ритме, но сущность Пути в устремленности к Единому через завершенность единичного, к чему приводит правильное взаимодействие двух сторон Целого (скажем, когда инь и ян могут осуществить свое вселенское назначение, не уподобляясь, а дополняя друг друга, как в 11-й гексаграмме И цзина «Тай» – «Расцвет» всех сил).

Самосознание меняется к лучшему, восходит к духу (*хуа шэнь*). Само Дао ведет к совершенству, ибо ни над кем не властвует, никого не принуждает, как о том сказано у Лао-цзы: «Все возвращая, не становится их господином» (Дао дэ цзин, 34). «Дао скрыто, безмянно, но только оно ведет к Добру». И там же, в 41-м чжане: «Великий квадрат не имеет углов». Не оттого ли мудрецы странствовали вне квадрата: «Этот принцип, – писал Го Сян, – имеет свой предел, в котором внешнее и внутреннее сливаются воедино. Не бывало еще, чтобы тот, кто до конца странствовал вовне квадрата (то есть упорядоченного и, стало быть, ограниченного мира), не находился в сокровенном единстве с тем, что внутри него, и не бывало еще, чтобы пребывавший внутри в сокровенном единстве не странствовал бы вовне квадрата».⁵⁷

Потому и называли достигшего свободы Триединым между Небом и Землей (*тянь жэнь ди*). Собственно, каждая гексаграмма И цзина для того и предназначена, чтобы человек понимал характер ситуации и вел себя сообразно, совершенствуя свой дух, одухотворял сущее. Умудренный опытом и знанием, очистив свое сердце, вернется к своей изначальной природе, гармоничной и светлой. В древнекитайском тексте «Го Юй» говорится: «Сами по себе небесные и земные *ци* нарушить порядка не могут. Если они преступили его, то только потому, что люди нарушили порядок. Когда *ян* сокрыто и не может проявиться, когда *инь* подавлено и рвется наружу, тогда происходят землетрясения... Потеряв свое место, *ян* стало на место *инь*, и течение рек не могло не нарушиться».⁵⁸ (Актуально, не правда ли: все в человеке, «мере вещей», – и созидательная сила, и разрушительная.)

О том же по-своему говорит русская философия: об «онтологически первичном» человеке, теурге. «Человек может и должен явиться действительным посредником между двумя мирами, той точкой, в которой оба мира реально соприкасаются... а без *этого*, без признания именно за человеком назначения утвердить царство свободы в царстве необходимости не может быть осмыслен процесс вселенского освобождения, ибо это освобождение совершается и должно совершаться через людей».⁵⁹ Недаром Бердяев любит ссылаться на немецкого мистика Якоба Беме, который более трех веков назад прозрел истину: «Бог должен стать человеком, человек – Богом, небо должно стать единым с землей, земля должна стать небом».⁶⁰ И хотя Россия не привержена ни квадрату, ни кругу, занимает срединное положение между Западом и Востоком, вера в человека объединяет ее с другими.

Наконец, я бы, возможно, не вернулась к этой теме, если бы не прочла о детях нового сознания, которых называют по-разному – «индиго», «кристаллические дети», но трудно сомневаться, что это вестники нового мира. Их величают иногда шестой расой, которая должна прийти на смену пятой, исчерпавшей свои возможности. Так же как на смену затянувшейся

⁵⁷ Цит. по: *Малявин В. В.* Жуань Цзи. М., 1978, с. 25.

⁵⁸ Древнекитайская философия, т. 1. М., 1972, с. 296.

⁵⁹ *Эри Вл.* Борьба за Логос. М., 1911, с. 200.

⁶⁰ Цит. по: *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. М., 1989, с. 302.

темной, воинственной эре Кали-юги должна прийти Сатья-юга, светлая эра Истины. По крайней мере, одна за другой появляются такие книги, как «Дети Будущего уже среди нас».

Эти дети обладают развитым умом и чутким сердцем, чувствительны к окружающей среде, которая может способствовать развитию их уникального дара, а может заглушить его. Просветленные дети болезненно реагируют на резкий цвет, звук, на острые углы, поэтому лучше отводить для школьных занятий, считает автор книги, круглое помещение. Это создает более мягкую, естественную обстановку. И парты стоит ставить по **кругу**. «Постарайтесь разрушить ощущение тотального единообразия и сделайте обстановку более индивидуальной». Пусть учитель стоит в центре круга. Такое расположение создает ощущение, что каждый ученик здесь одинаково важен. «Для нелинейного мыслителя расположение по кругу имеет свои преимущества... Детям можно сказать, что их парты, собранные в круг, – это часовой циферблат». Соответственно дети, мыслящие образами, ощущают себя соучастниками мировых пространственно-временных циклов.

Автор, знающий этих детей не понаслышке, уверен: если мы не будем сопротивляться неизбежной трансформации человеческого рода, научимся принимать эти изменения и позволим прорасти тем возможностям, которыми обладает творение, то обнаружим, что наш мир становится многообещающим. Дети Будущего «явят собой примеры великого существования и покажут на собственном примере, **что было всегда и что может снова возникнуть** в нашем мире если только мы откроем свои сердца и вспомним, что *мы едины и существует только любовь*».⁶¹ Автор постоянно возвращается к этому, начиная с Предисловия: «*Любовь – это голос новых детей*». И приводит стихотворение четырехлетнего Николаса, записанное его другом:

Любовь ДВИЖЕТ мною
Любовь прекрасна...
Она несет меня!
Живет внутри меня,
И потому я жив,
Моя суть едина.⁶²

Я не случайно выделила слова «**что было всегда и что может снова возникнуть**». Может возникнуть, а может и нет – зависит от человека. Само сознание вездесуще, преодолевает пределы окружающей реальности и приносит подсознательную информацию о прошлом, настоящем и будущем. Но поскольку «мы учились думать и общаться логически, память о чистом сознании в ходе эволюционного процесса ухудшилась. Эволюция закрыла перед нами двери, позволявшие воспринимать иные, высшие реальности» (с. 36). (Доступна была лишь эволюция по горизонтали, на земном уровне.)

Хотя эти двери открываются вновь, замечает автор, имея в виду детей нового сознания, что-то неладное творится в мире. Такое впечатление, что он готовится к последнему прыжку. Но куда? И что его ждет там, куда он прыгнет по собственной воле, если можно о ней еще говорить? Свобода выбора – что тут поделаешь! Но не перепутал ли он дорогу (как с бабочкой Брэдбери)? Туда ли он шел, превозмогая себя, и вдруг отпустил вожжи? Сам собой не управляет, хотя уверен в обратном, принимая за свободу вседозволенность, потакание собственным слабостям.

⁶¹ Лоузи М. Б. Дети Будущего уже среди нас. М., 2007, с. 216, 221, 223.

⁶² Там же, с. 95 (далее страницы указаны в тексте).

На эти мысли меня навела грустная статья Н. С. Курека «Звероподобное поведение. Линии Аристотеля и Фрейда».⁶³ Оказывается, звериное начало заложено в каждом человеке, а не только в страдающих психическими заболеваниями. И хотя в настоящее время теория вырождения признана несостоятельной, замечает автор, на практике «идея зверя в человеке по-прежнему востребована в культуре, искусстве, массовом сознании, СМИ». И с ним трудно не согласиться. «Каков человек, таков и мир» – по Гегелю. Но таково ли назначение человека, не изменил ли он себе? За изменой следует расплата.

Все религии говорят об одном: добро имманентно миру, зло творится неразумными людьми. Оно вторично и, как все вторичное, должно исчезнуть по мере становления Человека, приобщения души к Духу. Звериное начало порождалось звериными привычками в процессе кровопролитных войн. Говоря словами Конфуция: «Все близко по природе, различаются по привычкам». Природа человека изначально добра; злой ее делают «мелкие люди» (*сяожэнь*), которые ради выгоды готовы на все.

Другое дело, почему человек предпочел таких философов, как Ницше. Не он ли проповедовал словами Заратустры: «„Человек должен становится все лучше и злее“ – так учу я. Самое злое нужно для блага сверхчеловека». Дорого обошлась идея сверхчеловека, когда помутившийся разум поспешил применить ее в действии. Сам философ не мог не видеть, что происходит с людьми: «Эти носители гнетущих и вожделеющих к отмщению инстинктов, отпрыски всего европейского и неевропейского рабства... – представляют движение человечества *вспять*» («К генеалогии морали»). Нужно было достичь высокой степени отчаяния, чтобы способствовать движению *вспять*, в рабскую неволю, уподобляя человека домашним животным. Человека, рожденного свободным и утратившего свою свободу вместе с человеческим достоинством.

В каком-то смысле не меньший грех взял на душу известный психиатр Зигмунд Фрейд, приписав людям звероподобное поведение на ранних стадиях онтогенеза и филогенеза. И уж совсем невозможна мысль о том, что первая стадия развития ребенка от рождения до года – «орально-каннибальная». Уж детей оставили бы в покое! Нет ничего чище на свете, чем грудной ребенок. Когда заглядываешь в его глаза, там, как в горном озере, отражаются небеса – все святое, светлое, сохраняющееся в человеческой памяти. Взрослея, под влиянием среды ребенок теряет свою незамутненность. И не в этом ли смысл призыва Господа: «Будьте как дети!», чтобы вернулся человек к своей порвзданной чистоте. И не напоминал ли Лао-цзы, что у новорожденного «совершенное Дэ»? Потому «ядовитые насекомые и змеи его не ужалят; свирепые звери не растерзают; хищные птицы не заклюют. Кости мягкие, мышцы слабые... Но он пребывает в совершенной Гармонии» (Дао дэ цзин, 55). Или: «Когда храбрый не кичится, а сохраняет скромность, он подобен горному ручью в своей стране. Его не покидает Дэ Постоянства, он возвращается в состояние младенца» (Дао дэ цзин, 28).⁶⁴ Дэ Постоянства, или великое Сверхшение, подобно Великому Дао, невидимо истинному, от которого зависит одухотворение сущего. И не раз образ младенца служит для Лао-цзы примером совершенства, чистоты и незамутненности.

Но вернемся к Ницше. Известно, что он кончил безумием, не выдержав распада культуры, кричащей пошлости немецкого обывателя, превратившего жизнь в театр абсурда.⁶⁵ Но идея сверхчеловека продолжает разрушать человеческое в человеке. Расплата за антропоцентризм – произвольное смещение центра. В результате – «исчезает человек как целостное существо, как существо внутренне центрированное... Дробные и частичные элементы человека

⁶³ См. журнал «Человек», 2009, № 1, с. 104–116.

⁶⁴ Сочинения китайской классики, т. 6. Токио, 1968, с. 300, 164.

⁶⁵ См. *Ницше Фр.* Казус Вагнера: Эссе. СПб.: Азбука-классика, 2007.

предъявляют права не только на автономию, но и на верховное значение в жизни», – подвел итог Николай Бердяев.

Еще одно искушение, последний соблазн – **трансгуманизм**. Дальше идти некуда! Получается, что человек – отработанный материал, настало время его заменить супермашиной. Средство и цель поменялись местами. Человек стал функцией. Новейшая технология для того и существует, по мнению трансгуманистов, чтобы создать искусственного человека. «Основанный на нанотехнологии новый синтез наук станет тем „канатом“, с помощью которого человечество сможет перебраться на эту новую землю», – говорят сторонники трансгуманизма.

Его противники отвечают: «Сама наука становится источником войны и не нуждается более в образе врага: она изобретает собственные цели». Цель эта – улучшить человека как биологический вид, только это будет уже не человек, а человекоподобная машина. Но еще даос Чжуан-цзы предрекал: «У того, кто применяет машину, дела идут механически. У кого дела идут механически, сердце становится механическим. У кого в груди механическое сердце, утрачивает целостность чистой простоты. Кто утратил целостность чистой простоты, тот не утвердится в жизни Разума. Кто не утвердился в жизни Разума, того не станет поддерживать Путь» (гл. 12 «Небо и Земля»). А буддисты говорят: нет разума без сострадания, то есть бездуховная, безнравственная жизнь неизбежно оборачивается утратой ума, отупением. И это всеобщий Закон: «Когда же душа уклоняется от любви, тогда помрачается ее умственный взор» (Иоанн Златоуст). И образ «каната» говорит сам за себя: право сильного влачить за собой слабых. Потому статья О. В. Летова и называется «Человек и „сверхчеловек“: этические аспекты трансгуманизма» (в том же номере журнала «Человек»).

Цель трансгуманистов – помочь человеку избавиться от «слепого» процесса эволюции, в основе которого лежит случайность. Но о какой эволюции идет речь? Уже Лао-цзы говорил, что человеческий Путь, как правило, противоположен Небесному, но неизбежно к нему приближается, о чем я веду речь в статье «Эволюция к Духу (от горизонтали к вертикали)» (в том же номере журнала). Не читая до сих пор о трансгуманистах, я доказываю обратное, опираясь, в частности, на русскую философию. Лишний раз убеждаешься в правоте прорицателей: «На Западе душа убывает» – мысль К. С. Аксакова. Или уверение В. В. Розанова: «Все идеалы европейские во всем конечны – а без бесконечного человек существовать не может». Не потому ли, спрашивает Розанов, «Европа сразу и как-то бесконечно постарела; она вдруг осела, начала расти в землю»?

Потому я и сочла своим долгом показать, что же думали о Человеке мудрецы Востока и Запада, веря в самонаказуемость зла. А еще – веря в провидческий дар нашего поэта: «...есть и Божий суд, // Наперсники разврата! // ...он ждет». Вряд ли Лермонтов мог ошибаться. Однако не потому ли человек не выдержал испытаний, что непосильным оказалось бремя, которое он сам себе навязал? Потому и не выдержал, что истощился в бессмысленной борьбе с несуществующим врагом, вместо того чтобы бороться с собственным несовершенством, к чему призывают все миротворцы.

Другое дело **генетика**, наука объективная, исходящая из внутренних свойств человека (потому и отвергнутая при сталинском режиме). В книге «Пирамиды Света: Осознание многомерной реальности» (2004), принадлежащей перу того же автора «Детей Будущего», говорится, что наши электромагнитные энергетические поля и генетическая структура постоянно эволюционируют к своему изначальному состоянию, которое есть свет – тот же свет, что и наш Источник, или Бог (с. 29). (И это близко понятию Великого Дао у Лао-цзы, то есть Путь к совершенству предназначен человеку Небесной волей или Божьим Промыслом.) ДНК – генетический материал, определяющий не только наш внешний вид, но и наши способности, – несет в себе информацию и память обо всем, что было прежде (с. 115). Но как и в случае с мозгом (который обычно используется на 5–7 процентов), мы применяем лишь малую часть находящейся в ДНК информации, поскольку забыли, как до нее добраться. Дети Будущего

начали об этом вспоминать, как и «кристаллические дети», у которых уравновешены правое и левое полушария головного мозга. Помимо развитого интеллекта у них врожденное чувство справедливости и сердечной отзывчивости. Им просто не хватает терпения на линейные рассуждения, потому что они воспринимают всю картину сразу, целиком (с. 92).

Но и генетика имеет право на существование, пока не переходит меру допустимого, не начинает манипулировать человеком, что всегда плохо кончается. Человек не центр, но «мера вещей» (Протагор). Еще буддолог Федор Ипполитович Щербатской сравнивал закон наследственности с кармой, в частности, ссылаясь на образ Будды. «Очень интересный пример значения... буддийских понятий о наследственности, воздаянии... Голос всегда производится добровольно, следовательно, он не может быть производным нравственных предшественников кармы... Но мы знаем, что „великий человек“, то есть Будда, имеет пленительный, мелодический голос, обладает благородным ораторским искусством. Это одна из характерных способностей Будды, и она обязана, как и все прочие его возвышенные качества, наследственности, то есть долговому пути нравственного прогресса, проходящего через поколения».⁶⁶

Карма бывает индивидуальная, национальная, общемировая. Карму можно отработать, следуя предназначенному Пути, можно усугубить, нарушая нравственный Закон Справедливости. Но невозможно избежать кармических последствий, наказания за содеянное зло, даже если человек не дает себе в этом отчета, не ведает, что творит. (Примеров тому тьма. Скажем, вместо того чтобы понять, почему болезнь поражает птицу и домашний скот, начинают их уничтожать, ни в чем не повинных. Тем самым усугубляют свою карму, не устраняют, а наращивают напасти.)

Но бывают гены, которые не поддаются мутации, – героические личности. Согласно Конфуцию, это благородный человек (цзюньцзы), который готов пожертвовать жизнью, но не Справедливостью. Сильные, неизменные гены оказывают благотворное влияние на других – не при помощи «каната», а путем «резонансного» воздействия, полагаясь на способность каждого к осознанию происходящего. Этим опытом делятся китайские мудрецы, составившие «Книгу Перемен», с которой я начинаю свой рассказ.

Март 2002 – март 2009

⁶⁶ Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1988, с. 139.

Об И цзине – «Книге Перемен»

Герман Гессе считал, что И цзин может изменить всю нашу жизнь. Но для этого потребуется понять его логику, которая далека от привычного представления о причинно-следственной связи или от линейного мышления. Вспоминается, как это было непросто даже такому крупному востоковеду, как Н. И. Конрад. Он рассказал о встрече с конфуцианским ученым Такахаси Тэммин во время посещения Японии. Диалог между ними позволяет судить, насколько различаются западный и восточный подходы. «В наивной гордыне недоучки, штудировавшего „Критику чистого разума“... в чрезвычайном чванстве европейца, щеголяющего модной тогда мудростью „без теории познания нет философии“, – я сказал Учителю: „Я не хочу читать с Вами ни Луньюй, ни Мэн-цзы... Я хочу настоящую философию. А так как в Китае кроме Сунской школы, по-видимому, настоящей философии нет, прошу Вас прочесть со мною что-нибудь отсюда...“ Учитель Тэммин сидел некоторое время молча, потом медленно поднял глаза, внимательно посмотрел на меня и сказал: „Есть четверо – и больше никого. Есть четверо великих: Кун-цзы (Конфуций. – Т. Г.), Мэн-цзы, Лао-цзы, Чжуан-цзы“...

Я был удивлен. Прежде всего – недопустимое с моей тогдашней точки зрения смешение понятий. Разве можно говорить о Конфуции и Лао-цзы рядом? Ведь это – полярно противоположные явления, как бы ни хотел я их соединить вместе. Этому японцу не хватает отчетливо философского представления о „системе“.

Делаю замечание в этом духе. Ответ краток: „Кун-цзы и Лао-цзы – одно и то же“... „Все-таки хочу Сунцев“, – говорю я уже более робко.

„Хорошо. Только сначала И цзин“. „Как И цзин?!“ Этого я никак не ожидал. Как? Эту „Книгу Перемен“? Непонятную галиматью с какими-то черточками? „Да, И цзин! Великий И цзин – в нем высшее“. В конце концов, почему бы не попробовать? И цзин так И цзин. Завтра начинаем...

Спасибо теперь Учителю – от всего сердца. Великий И цзин! В нем высшее». ⁶⁷

Сколько же времени (не в количественном, а в качественном отношении) должно было пройти, чтобы К. Г. Юнг назвал И цзин мудрейшей из книг, а Г. Гессе пришел к выводу: «„Книга Перемен“ может повернуть всю нашу жизнь». В чем же загадка И цзина, причина возрастающего к нему интереса? Не в том ли, что в «Книге Перемен» задан код мирового развития? Перемены предустановлены Небесным Путем – Дао. Мир, проходя через Перемены, самоорганизуется, и человек не может с ними не считаться. Если человек ощущает Перемены и действует сообразно с ними, то продвигается к совершенству. Самим Переменам присуще движение к лучшему: «Учитель сказал: Как совершенны Перемены! Благодаря им возвышается дар (дэ) совершенномудрых и распространяются благодеяния», – сказано в «Сицычжу-ань». Если же человек нарушает предустановленный Путь, моральный закон Вселенной, то выпадает из Бытия. Но чтобы понять ход Перемен, нужно отступить от привычной, однозначной логики, допустить логику многомерную, или логику Целого.

Если Порядок задан, то человеку не нужно переустраивать мир, как полагали греки, убежденные в изначальности Хаоса. По учению китайских мудрецов, не Хаос, а Гармония лежит в Основе мира, а хаос творится теми, кто нарушает Путь. Можно сказать, И цзин – книга Откровений, только изложенных не в Слове, а в Образе (Сян). Эти небесные Образы запечатлел около трех тысячелетий назад Фуси. В древности Фуси, Ван Поднебесной, глядя вверх, усмотрел Образы Неба; глядя вниз, изучил законы Земли... Так он составил восемь триграмм, сказано в древнем комментарии к И цзину «Сицычжуань». А в другом древнем комментарии,

⁶⁷ Конрад Н. И. О встрече с Такахаси Тэммин в 1927 г. // Народы Азии и Африки, 1972, № 2.

«Шогуачжуань», говорится: «В древности совершенномудрые изложили (учение) о Переменах, чтобы следовать Законам (Ли) изначальной Природы (Син). Установили Путь

Неба и назвали его Инь-Ян. Установили Путь Земли и назвали его Мягкость-Твердость. Установили Путь Человека и назвали его Чело-вечность-Справедливость (Жэнь-И). Соединив эти три потенции, сдвоили их. Потому в гексаграмме шесть черт. Различая Инь-Ян, прибегали то к Мягкому, то к Твердому».⁶⁸

Все недвойственно, непротиворечиво. Само движение двуедино, идет туда-обратно, избегая губительной односторонности: инь прибывает, ян убывает, ян прибывает, инь убывает, – и в Природе, и в человеческих делах. То сжимается, то разжимается вселенская пружина, сообщая пульсацию жизни, – на любом уровне макро– и микромира, галактики и каждой клетки.

Из этих «черточек», о которых упоминал Н. И. Конрад, и состоит И цзин. Всего 64 гексаграммы (гуа), каждая из шести черт. Первые две гексаграммы не смешаны: шесть целых янских черт, чистое Творчество; шесть прерванных, иньских черт – чистое Исполнение. Остальные 62 представляют собой разное сочетание целых и прерванных черт, олицетворяющих характер переживаемой ситуации. Каждая из ситуаций, или фаз Эволюции, не зависит от человека, но человек зависит от нее; ощущая ход событий, может способствовать их благоприятному разрешению. Для этого и приложены афоризмы, чтобы надоумить, как лучше вести себя, не попасть впросак. То есть совершенномудрые, в заботе о потомках, предначертали Путь мирового развития, чтобы человек мог ориентироваться в нем. Следуя Пути, человек приближается к совершенству, реализуя свою истинную сущность, равную Небу и Земле, как говорят китайские мудрецы, становится с ними в Троицу.

Итак, Инь-Ян, два состояния или модуса вселенской энергии (ци), воплощают противоположные ее состояния: Инь – это темное, непроявленное, спокойное, иррациональное начало; Ян – это светлое, явное, подвижное, условно говоря, «рациональное» начало. Следуя законам Природы, смене темного и светлого, ночи и дня, инь-ян, естественно, не могут противоборствовать. Воплощая противоположные свойства, не являются противоположностями в привычном для нас понимании, ибо присутствуют друг в друге, наследуя двуединство от прародителя – Великого Предела (Тайцзи). Символ Тайцзи – круг с двумя полуизогнутыми половинами, зародыш. На темной, иньской половине – светлая, янская точка, а на светлой, янской – темная, иньская точка, свидетельство их внутреннего родства. Мир разворачивается из Великого Предела, или Беспредельного, в котором все уже есть в непроявленной форме.

Изначально инь-ян пребывают в покое Тайцзи и начинают взаимодействовать под влиянием внутренней причины (скажем, разницы потенциала). Проявляясь, инь-ян не распадаются, а, сохраняя память о своем лоне, хранят целостность. Лишь в одной – 12-й – гексаграмме происходит их разделение: три верхние, янские черты тянутся к Небу, а три нижние, иньские – к Земле. Но эта гексаграмма так и называется – Упадок (Пи), знаменующая распад всех связей. Наступает же она после ситуации Расцвета (Тай – 11-я гексаграмма). Когда Инь-Ян пребывают в гармонии, то наступает всеобщий Расцвет. В чем же причина того, что после Расцвета начинается Упадок? Расцвет обусловлен правильным отношением инь-ян: Исполнение-инь на своем месте дает возможность энергии Творчества реализовать себя, и все процветает. Но процветает до поры до времени, ибо не хватает третьего звена – осознавшего себя человека. Потому ситуация Расцвета оказывается недолговечной, ей на смену приходит Упадок из-за действий мелкого человека (сяожэня), который думает не об истине и не о долге, а о выгоде, о своем личном интересе, ради которого готов на все. И в И цзине сказано: «Путь ничтожеств – расти, а путь благородного человека (цзюньцзы) умалиться», что подтверждает комментарий «Туаньчжу-ань»: «Упадок – это неподходящие люди. Неблагоприятна благородному стойкость. Вели-

⁶⁸ Цит. И цзин и комментарий – «Десять крыльев» по изданию: Сочинения китайской классики: в 20 т., т. 1. Токио, 1966, с. 565.

кое отходит – малое приходит. Это значит, что Небо и Земля не связаны и все сущее не развивается». ⁶⁹ Исполнение становится на место Творчества. Те, кому предназначено исполнять, берут на себя функцию творцов, и все идет прахом. Это характерно для нашего времени – массовизации сознания. Нарушается предустановленный порядок: Верх (Небо) и Низ (Земля) меняются местами. Упование Ницше на сверхчеловека ни к чему хорошему не привело. *«Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти»*. ⁷⁰ Превзойти себя человек может не удвоением своего эго, а избавлением от него, от себя внешнего, чтобы найти себя истинного.

В Китае человек не ставил себя в центр Вселенной, потому и не был ею отброшен. Он не властвовал над Природой, а поклонялся ей как верный ученик и потому избежал отчуждения, на которое обрекается часть, возмнившая себя целым.

Великие умы называли Единое Богом (Плотин). Но часть предопределила образ мышления в западной эйкумене, сказавшись и на характере формальной логики, и на характере науки, имеющей дело с относительными истинами, постоянно самих себя отрицающими. Фактически все войны, все распри, в том числе религиозные, происходили из-за этой искаженной меры, поставившей часть на место Целого. Сюда же можно отнести и имперские претензии, и маниакальность сверхчеловека, посягавшего на ход истории.

Этого не произошло в Китае, где не человек, а Дао – извечный центр, притом Дао не явленное, как об этом сказано в самом начале «Дао дэ цзина» Лао-цзы: «Явленное Дао не есть постоянное (истинное) Дао». То есть существует второй, невидимый план Бытия, то, что называлось Беспредельным, Ничто (У), в котором пребывает истинно-сущее, «таинственно-прекрасное». Тем не менее, «явленное Дао», «Путь человеческий», не соответствующий извечному Пути, ввергает Поднебесную в пучину бедствий. Свидетельство тому, например, две последние гексаграммы И цзина.

Более всего диктатуре соответствует предпоследняя, 63-я гексаграмма: «Уже конец». В тексте сказано: «Уже конец. Свершение. Малому благоприятна стойкость. В начале – счастье. В конце – беспорядок». ⁷¹

Как это понимать? «Малый» порядок создан «мелкими» людьми, пришедшими к власти. И в 62-й гексаграмме «Переразвитие малого» сказано: «Возможны дела малых, невозможны дела великих». С виду все упорядочено, малое достигает завершенности, но истинному человеку тут нет места. Если в основе стабильности лежит малая величина, скажем, частный или групповой интерес, то стабильность превращается в стагнацию, в «застой».

Застой не может не обернуться хаосом, ибо всякая остановка противоречит Пути. Так что переход к следующей, 64-й гексаграмме «Еще не конец» неминуем.

Итак, во всем, и в самом человеке, говорили сунские философы, есть две природы: непроявленная, извечная, небесная, светлая и вторичная, земная, явленная в многообразии. Цель человека – преодолеть вторичную природу, избавиться от эгоцентризма, очистив сердце, найти себя подлинного, внутреннего человека, равного Небу и Земле. Уже даос Чжуан-цзы говорил: «Небо и Земля родились одновременно со мной. Видимый мир и Я одно целое» («Чжуан-цзы», гл. 2 «О равенстве вещей»). Человеку назначено стать вровень с Небом и Землей, претворить небесный замысел, соединив Творчество с Исполнением, стать Всечеловеком.

Прошедший Путь сполна спасется. А на языке И цзина: «Одно Инь, одно Ян и есть Путь. Следуя этому приходят к Добру (Шань). Осуществляя, проявляют изначальную природу (Син)» (Сицычжуань, 1, 5). Эту мысль нередко трактуют как чередование инь-ян, что противоречит многомерной модели инь-ян, которые не только чередуются, но и присутствуют друг

⁶⁹ Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен». М., 1960, с. 106.

⁷⁰ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб., 1911, с. 5.

⁷¹ Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен», с. 379.

в друге, взаимодействуют, и когда присутствуют один к одному, в надлежащем порядке, то все приходит в Гармонию.

Значит, человеку предназначено, преодолев привязанность к себе, реализовать свою изначальную природу, присущие ей пять моральных «постоянств»: Человечность, Справедливость, Учтивость, Мудрость и Искренность. (О чем и сказано в «Шогуачжуань»: Путь Человека – Человечность-Жэнь и Справедливость-И.) Об этом свидетельствуют и две первые гексаграммы И цзина: Цянь – абсолютное Творчество, символ – Небо, и Кунь – абсолютное Исполнение, символ – Земля. Совершенный человек, вошедший в Троицу с Небом и Землей, соединяет в себе эти высшие потенции Творца и Исполнителя в одном лице (Богочеловек – в нашей традиции, как понимали богочеловечество Вл. Соловьев и Н. Бердяев). Это и есть восхождение к Триединству, предсказанному китайскими мудрецами; к эйдосу Троичности – по Бердяеву: «Божественная мистерия Жизни и есть мистерия Троичности. Она совершается вверху, на небе, и она же отражается внизу, на земле».⁷²

Если Порядок установлен свыше, он не может не иметь высшей цели. Когда два самоестественно (цзыжань) соединяются в одно, притягиваются по закону Целого, двуединой природы вещей, резонирующих друг на друга, то появляется третье измерение: единый центр или вертикальная ось, соединяющая земное с небесным, физическое с духовным. Таков закон Дао: лишь триединое одухотворено, лишь одухотворенное целостно. Целое не может не быть моральным. Не имеющее частей не подавляет, не существует за счет другого, идет ли речь о народе, о человеке или о чувстве и разуме, о пространстве и времени. Одного нет без другого, как нет инь без ян, ян без инь, – они взаимнеобходимы для Жизни. Поэтому мудрецы Запада и Востока во все времена превыше всего ставили Целое, ибо Целое и есть Истина. Лишь целое сообщается с духом, лишь дух животворит. «Целостность духа есть Путь мудрого», – говорит Чжуан-цзы («Чжуан-цзы», гл. 12 «Небо и Земля»).

Таков Дао-Человек, пребывающий в неизменности вселенского центра: «Достигни предельной Пустоты, утвердись в Покое, и вещи будут сами собой развиваться... Возвращение к велению Неба называю Постоянством. Знание Постоянства назову Просветленностью. Не знающий Постоянства своим неведением творит зло. Знающий Постоянство – терпим. Терпимый – справедлив. Справедливый становится Ваном. Ван становится Небом. Небо становится Дао. А Дао не знает гибели» (Дао дэ цзин, 16. Японцы комментируют эту мысль Лао-цзы: если становишься широким, как Небо,ходишь в Недеяние Дао, становишься вечным, бессмертным).⁷³

Вот чему учит «Книга Перемен»: предсуществованию человека, целостности сущего, взаимной обусловленности и единству, следуя внутренней логике Пути, от которого невозможно отклониться ни вправо, ни влево, чтобы не попасть в беду. То, что называется неслиянным и нераздельным единством, или, на языке дзэнских мастеров: «Одно во всем и все в Одном». И невозможно ничем пренебречь без ущерба для Целого или самой Жизни.

⁷² Бердяев Н. А. *Философия свободного духа*. М., 1994, с. 135–136.

⁷³ Сочинения китайской классики: в 20 т., т. 6, с. 93.

И цзин и современность

Разум есть мистика для рассудка.

Шеллинг

И цзин («Книга Перемен») и современность

Еще несколько слов об И цзине. Чем вызван к нему повышенный интерес? Одна за другой выходят работы об И цзине, о Дао («Дао физики», «Дао математики», «Дао Юнга»). К. Г. Юнг назвал И цзин «Книгой мудрости». «Книга Перемен» содержит схему мирового развития. Этот код обусловлен взаимодействием двух вселенских энергий **инь-ци** и **ян-ци**. Нет того, в чем не было бы инь-ян, от клетки до галактики, ибо они заложены в природе вещей. Одно есть оборотная сторона другого, все двуедино: покой-движение, темное-светлое, правое-левое, интуиция-логика, чувство-разум, пространство-время, женское-мужское. Их взаимодействие обусловлено законом Природы: одно убывает, другое прибывает (как тьма-свет, ночь-день), но связь между ними не прерывается, они присутствуют друг в друге. Если нарушено их взаимодействие, одно угнетает или отпадает от другого, то нарушается равновесие, начинаются катаклизмы. От избытка инь или ян в организме человека или общества начинаются заболевания, сбои энергии, аритмия. Избыток ян приводит к изменению ее качества: из светлой, творческой она превращается в хаотичную, разрушительную – в низшее ян. То же самое с инь. От избытка ян (огня) возникают пожары, от избытка инь (воды) – наводнения, в чем убеждают нас зачистившие стихийные бедствия, которые, однако, имеют объяснение. «Книга Перемен» и посвящена тому, чтобы подсказать человеку, как нужно вести себя в той или иной ситуации, чтобы не усугубить ее, не вызвать негативную реакцию.

Весь цикл Перемен обозначен 64 гексаграммами (*кит.* гуа): графическим изображением целых-янских и прерванных-иньских черт, по шесть в каждой гексаграмме. (Предполагают, что впервые их зафиксировал, наблюдая небесные знаки, первопредок Фуси в III тысячелетии до н. э.) Кроме первых двух гексаграмм (абсолютное Творчество, Небо – шесть целых черт, абсолютное Исполнение, Земля – шесть прерванных), остальные состоят из смешанных в разном соотношении черт, в зависимости от характера наступившей ситуации. Афоризмы и прилагаемый комментарий («Десять крыльев») помогают понять значение каждой гексаграммы и вести себя соответствующим образом – или решительно, в стиле ян, или пребывать в иньском покое, пока неблагоприятная для действия гексаграмма не сменится следующей. Сообразное поведение (то, что теперь называют «обратной связью») дает возможность не нарушить Путь и без лишних потерь выйти на следующую фазу Эволюции. Перемены идут своим чередом, человек зависит от них, подвержен тем же изменениям. Однако ему дано сердце-разум, позволяющее проскочить пороги и не отпасть от Пути, который направляет все сущее к Благу. Знание Перемен учит человека соизмерять свои возможности, не опережать Время, чтобы не выпасть из Бытия, не тешить себя иллюзиями, что можно изменить ход событий, покорить Природу, с которой он связан всеми фибрами своей души. Вне Пути, предназначенного миру и каждому существу, все теряет свою природу, обречено на вымирание.

Итак, «Книга Перемен» учит считаться с вечными законами, которыми последние века европейский ум пренебрегал, за что и расплачивается издержками техногенной цивилизации. (Теперь кто только ни говорит об экологической катастрофе.) Учит чувству все-родства, сообразному действию (японцы называют это «ситуационной этикой»), что позволяет не разрушать среду обитания и не испытывать чувство отчуждения от мира и от себя. А еще «Книга Перемен» говорит о том, что один цикл завершается другим, но прошедший Путь сполна достигает

Просветления, о чем свидетельствуют две первые гексаграммы И цзина – высшее Творчество предполагает высшее Исполнение. Прошедший Путь с его взлетами и падениями укрепляется в Духе, становится Целым человеком, Триединым с Небом и

Землей, способным вывести сущее к Гармонии. Так что не только человек нуждается в знании мировых законов, но и мир нуждается в человеке. Но если человек не выполнит своего назначения, то Небо будет искать себе другого Исполнителя. Вот чему учит «Книга Перемен».

Если человек ведет себя сообразно, его минуют напасти, он будет продвигаться к совершенству. Если человек не считается с характером Перемен, нарушает предустановленный ритм Дао, моральный Закон, то выпадает из Бытия как не имеющий к нему отношения, не соответствующий замыслу Неба или закону Целого.

Все недвойственно, непротиворечиво. Скажем, нет Справедливости без Человечности и наоборот. Все пять моральных Постоянств (у чан), свойственных изначально природе-Син (Человечность-Жэнь, Благожелательность-Ли, чувство Справедливости-И, Мудрость-Чжи, Искренность-Синь), взаимообусловлены, одного нет без другого. Так же недвойственны покой-движение (притом «Покой есть главное в движении», по Лао-цзы). Само движение идет туда-обратно (шунь-ни), избегая губительной односторонности, – в человеческих делах так же, как в Природе. И все совершается в предустановленном Порядке: инь-ян не сталкиваются, не борются, а поддерживают друг друга в круговороте Перемен. Этот естественный тип связи обеспечивает пульсацию Жизни на любом уровне макро– и микромира, галактики и цветка. (Потому возрастает интерес к «Книге Перемен» и в науке: приобщаясь к Пути, она преодевает обособленность от остального мира, чему свидетельство поток книг на эту тему, начиная с «Дао физики» Ф. Капры.)

Мир разворачивается из Великого Предела или Беспредельного (Тайцзи), из Великого Единого (Тай И).⁷⁴ Изначально инь-ян пребывают в Покое Тайцзи, как в зародыше, начинают взаимодействовать под влиянием внутренней причины. Проявляясь, инь-ян не распадаются, а, сохраняя память о своем лоне, предрождении, присутствуют друг в друге. Приходя во взаимодействие, не сталкиваются, не противостоят друг другу, что делает каждую пару реальным или потенциальным целым.

Самим Переменам присуще движение к лучшему порядку: «Учитель сказал: Как совершенны Перемены! Благодаря им возвысилось

Дэ совершенномудрых и широко распространилось его действие. Ум тянется кверху, Ли (Ритуал) книзу. Поднявшееся кверху уподобилось Небу, опустившееся вниз определило правила Земли. Когда Небо и Земля в соответствии, между ними происходят Перемены. Животворящая Природа – врата к Пути Справедливости (И)» (Сицычжуань, 1, 7).

Что же позволило древним узреть вечные законы, над которыми уже сколько веков бьются лучшие умы человечества? Не то ли, что люди древности (которые, согласно Платону, «были умнее нас») имели светлую, тонкую энергию (Цзин), которая позволяла видеть невидимое, слышать неслышимое, пронизать Истину?⁷⁵

Но если Перемены сами по себе ведут к лучшему порядку, то не нужно мудрствовать, а нужно лишь верить себя Пути:

«Учитель сказал: «Зачем Поднебесной размышления?!
Разные Пути ведут к одному.
Многие размышления возвращают к Единому.
Зачем Поднебесной Размышления?!»

⁷⁴ Впервые понятие Тайцзи появляется в Сицычжуань: «Перемены имеют Великий Предел» (1, 11), что можно понимать и так, что Перемены направляются к благополучному завершению.

⁷⁵ Этот высший тип тонкой энергии, согласно Лао-цзы, присущ Небесному Дао: «В таинственной глубине Дао скрыта чудесная духовная энергия (Цзин ци). В ней высшая Истина (Искренность-Синь), в ней творящий Свет» (Дао дэ цзин, 21).

Солнце заходит, Луна восходит. Луна восходит, Солнце заходит. Солнце и луна двигают друг друга, и рождается Свет... Чему должно прийти, приходит. Тому нужно довериться. Доверие и терпение рождают Благо»

(*Сицзычжуань*, 2, 5).

Если Перемены заданы, то человеку разумно следовать им, взяв за образец Недеяние (Увэй). Но это не бездействие, не пассивное отношение к происходящему, а действие согласуемое с Путем, что предполагает со-участие, причастность к событиям.⁷⁶ Потому Лао-цзы и говорит: «Дао непрестанно осуществляет Недеяние, и нет того, что бы не свершалось». И дальше: «Небытие проникает везде и всюду. Вот почему есть польза от Недеяния. В Поднебесной нет ничего, что можно сравнить с учением без слов и пользой от Недеяния» (Дао дэ цзин, 37; 43).⁷⁷ Сам язык «Книги Перемен» афористичен – язык символа требует пронзительного ума, способного расшифровать небесные знаки, чтобы избежать неверного шага, не попасть в беду. Сама недоговоренность, неоднозначность текста стимулирует встречную мысль, интуицию, способность резонировать на происходящее, следуя Срединным Путем. «Крайность к несчастью», – предупреждает И цзин.

Если Порядок задан, то человеку не нужно переустраивать мир, как полагали греки и их последователи, сотворившие техногенную цивилизацию. По учению китайских мудрецов, не Хаос, а Порядок лежит в Основе мира. Изначальной энергии (юань ци), Небесному Дао присущи Свет и Гармония, хаос же усугубляется неразумными людьми, нарушающими порядок Перемен. В китайском языке не было понятия «хаос», а было понятие смуты, беспорядка, производимых нерадивостью, своеволием людей.⁷⁸

Если мир неупорядочен сам по себе, его должен упорядочить человек «разумный и деятельный», призванный переустроить мир. Человек этот, далекий от совершенства, возомнил себя центром Вселенной. Фактически он задумал сделать то, что приятели сотворили с Хунь-Дунь, то есть уподобить мир себе, приспособить его к своим нуждам, в соответствии со своим представлением о должном. И все пошло наперекосяк: средство и цель поменялись местами.⁷⁹ Это предвидели мудрейшие из философов и святые отцы. Плотин, Бог которого и есть Единое, узрел в двоице Пифагора первое различие и «дерзость», что стало причиной распада Единого на множество; а так как ум отпал от Единого, отпала от ума и душа.

И св. Августин сокрушался: «Если бы Адам не отпал от Тебя, не излился бы из его чрева этот морской рассол, род человеческий, предельно любопытный, неистово надменный, неустойчиво шаткий» («Исповедь» Блаженного Августина, XIII, 20, 28). А в И цзине сказано: «В ян первично Одно, а двоица – вторична. Это Путь цзюньцзы (благородного человека). В Инь первична двоица, а Одно – вторично. Это Путь сяожэня (мелкого человека)» (*Сицзычжуань*, 2, 4). (То есть потребность раздвоения, противостояния – признак неразвитого ума.)

⁷⁶ Присущее этому мышлению единство субъекта и объекта подметил датский физик Нильс Бор, сделавший модель Тайцзи своим гербом: «Мы должны обратиться к совсем другим областям науки, например к психологии или даже к особому рода философским проблемам, с которыми уже столкнулись такие мыслители, как Будда и Лао-цзы, когда пытались согласовать наше положение как зрителей и как действующих лиц в великой драме существования» (*Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. М., 1961, с. 35).

⁷⁷ То, что христиане-исихасты называли «умным деланием» в святом молчании.

⁷⁸ Иногда как «хаос» переводят иероглифы «хунь-дунь», вместе с тем признают, что это означает простоту Дао и субстанциональное единство универсума, целостность, в утрате которых даосы видели мировую деградацию. По этому поводу есть замечательная притча у Чжуан-цзы: желая оказать Хунь-Дуню услугу, два незадачливых приятеля, Опрямительный и Безрассудный, проделали в нем семь отверстий, как у человека, после чего Хунь-Дунь скончался. (См. размышления на эту тему: *Торчинова Е. А.* Китайская философия: Энциклопедический словарь. М., 1994, с. 386. Я же в «Дао и Логосе» разделяю мысль Чжуан-цзы.)

⁷⁹ Может быть, не случайно у одних возникает идея Великого Предела, положившего начало эволюционному развитию, у других – идея Великого Взрыва сверхплотной точки, что привело к скачкообразному, взрывному ритму Истории?

Разница двух мировых Путей предустановлена законом Целого (функциональной асимметрией), но осуществление Пути зависит от человека, «меры вещей». Разделив мир на субъект, распорядителя, и объект, этому распорядителю подвластный, человек нарушил моральный Закон Пути. Создав великую науку и искусство, вознесли себя до Бога, поставив часть на место целого, устремились в беспредельное, забыв о необходимости обратного движения – во избежание односторонности. В результате попали в ловушку несовместимости свободы и необходимости.

И такие философы, как Шеллинг, признавали причину трагизма жизни в раздвоенности сущего, в «борьбе свободы в субъекте и необходимости объективного». Притом то и другое представлялось одновременно «победившими и побежденными – в совершенной неразличимости». Собственно, все видные философы последних веков озадачены прогрессирующим распадом, неустойчивостью мира, в который втянут и сам человек. Потому назвали сознание «несчастливым», а самого человека отчужденным от Природы и от самого себя. И это предвидел св. Августин: Бог привел все к единому порядку. Этот порядок и делает из мира «единое целое» – *universitas*. Эту целостность человек «разрывает», предпочтя ей, из личной гордости и личных симпатий, «одну часть», «мнимое единство»: он, таким образом, ставит «часть» выше «целого»; достоинством, принадлежащим «целому», он облакает «часть».⁸⁰

Так и случилось: часть заняла место целого и в науке, склонной возводить в абсолют очередное открытие, и в человеческих отношениях, превращающих человека в средство, функцию, вещь. Вслед за дробным сознанием дробится действительность. Не избегли этой участи и мировые религии, призванные вести народы к единству. Но все не соответствующее Пути сходит на нет. Всякий надуманный центр теряет силу как не-сущее, не соответствующее истинному Центру, закону Целого. И **антропоцентризм** не мог не привести к опустошению человека, к потере самого себя, к ощущению покинутости, заброшенности, одиночества, что так потрясло писателей-экзистенциалистов. Всякий центр, объявленный человеком, лишь сбивает с Пути человечество, как это произошло и с идеей мирового господства, присвоенного права одного народа распоряжаться другим. И эта идея не могла осуществиться как противоречащая Пути, закону высшей Справедливости.

«Книга Перемен» учит предсуществованию Единого на высшем плане и взаимной обусловленности вещей на феноменальном. И это обусловлено не логикой, изобретенной человеком для своего удобства, а высшим Законом, волей Неба – внутренней логикой Пути, от которого невозможно отклониться. «Одно во всем и все в Одном», – обозначит этот универсальный тип связи чаньский патриарх Сэн Цань (VI в.). Нет того, что не обладало бы целостностью на макро– и микроуровне, а целое не вытянешь в линию, в дискурсивный, причинно-следственный ряд. Целое зависит не от рядом стоящего, а от единого Центра, как его ни назови: Дао, Логосом, Божьим Промыслом.

Сами инь-ян не есть части Целого, а есть само целое, не исчезающее из-за присутствия одного в другом, сохраняя родовую причастность к совершенной полноте Тайцзи, приобщаются к изначальному Духу (шэнь). «Неизмеримое инь-ян называется духом-шэнь» (Сицы-чжуань, 1, 5). Японский комментарий уточняет: когда говорят о неизмеримости инь-ян, не имеют в виду божество в человеческом понимании. Это нечто непостижимое, тайное (с. 492). А говоря словами Гумбольдта: «Именно там, где достигается вершина и глубина исследования, прекращается механическое и логическое действие рассудка, наиболее легко отделимого от каждого своеобразие, и наступает процесс внутреннего восприятия и творчества».⁸¹

Лишь целое сообщается с духом – одухотворенное животворит, дает всему жизнь. Это действительно непостижимо. (Неисповедимы Божьи пути.) Но во все времена мудрецы искали

⁸⁰ Примечания к Исповеди Бл. Августина // Богословские труды. М., 1978, № 19, с. 235.

⁸¹ Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию, с. 320.

целого человека. «У того, кто следует Пути, целостные свойства. У кого целостные свойства, целостно и тело. Если целостно тело, целостен и дух. Целостность духа есть Путь мудрого» («Чжуан-цзы», гл. XII, «Небо и Земля»). И дальше: «Храни в целостности тело, бережно относись к жизни, избегай суетных мыслей и станешь совершенным» (гл. XXIII). Что уж говорить о буддизме! Неделима природа Будды, неделима Дхарма. В последнем слове, уходя в Нирвану, Будда напомнил о сути учения: «Состоящее из частей подвержено разрушению».

Собственно, целостное видение вытекало из представления о Великом Едином, из понимания Пути как нераздельности, непротивопоставления одного другому. Лишь Срединный Путь ведет к Истине. «Соответствие Центру (Срединности-Чжун) называется Равновесием (Хэ). В Срединности – великая Основа (Великий корень) Поднебесной. В Равновесии – истинный Путь Поднебесной» (Чжун юн, 4).⁸² Потому и учили восточные мудрецы более всего дорожить целостностью (цюань).

Если Порядок установлен свыше, он не может не иметь высшей цели. Когда два соединяются самоестественно (цзыжань), притягиваются друг к другу сердечным откликом, то появляется **третье измерение** – единый центр или вертикальная ось, соединяющая земное с небесным, физическое с духовным. Таков закон Дао: лишь Триединое одухотворено, лишь одухотворенное может быть целостным. Таково назначение человека – войти в Троицу с Небом и Землей, чтобы реализовать небесный замысел в земной жизни. Об этом говорится в Шогуачжуань и в Сицичжуань: «Как велика „Книга Перемен“! В ней все сказано о Пути Неба, о Пути Человека, о Пути Земли. Соединив эти Три (Сань Цай), сдвоили их. Оттого шесть черт. В шестерке – полнота Триединого Пути» (Сицичжуань, 2, 10).

Значит, человеку предназначено, следуя Переменам, реализовать в полной мере свою изначальную природу (син), присущие ей пять моральных свойств (учан); стать вровень с Небом и Землей и достичь того состояния, которое обозначено в двух первых гексаграммах И цзина: совершенное Творчество и совершенное Исполнение в одном лице, то есть стать целым человеком (богочеловеком в нашей традиции). Не достигнув же целостности, не реализуешь небесный замысел.

И одна из самых благоприятных ситуаций И цзина – Расцвет (Тай, 11-я гексаграмма) сменится другой – Упадком (Пи, 12-я гексаграмма). Расцвет обусловлен правильным взаимодействием инь-ян: Исполнение-инь на должном месте дает возможность энергии Творчества-ян реализовать себя, и все начинает процветать. Но не хватает третьего звена – осознавшего себя человека. Потому ситуация Расцвета оказывается недолговечной, ей на смену приходит Упадок из-за действий мелкого человека, сосредоточенного на себе, на своих интересах. Он изо всех сил старается проникнуть наверх, занять не соответствующее ему положение.

⁸² «Хэ» обычно переводят как «гармония», но это подвижная уравновешенность того, что предназначено друг другу, что соединяется не силовой связью, а откликом, резонансом, общим дыханием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.